

СЕЛО ОЛЕНИНО

селенія, составляющія оленинскую волость

гортатовскаго уѣзда

нижегородской губерніи.

Мѣстоположеніе села Оленина. — Происхожденіе его. — Число жителей и количество земли. — Число дворовъ. — Церковь. — Почва и качество земли. — Садоводство. —

Промыслы и торговля. — Повинности. — Выкупная сумма.

Село Олено расположено верстахъ въ 25 отъ Нижняго-Новгорода, на правомъ нагорномъ берегу рѣки Оки. О происхожденіи села существуютъ весьма неопредѣленные свѣдѣнія. По актамъ на владѣніе, хранящимся у нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ села Оленина, извѣстно, что въ 1612 году часть оленинской земли, съ поселенными на ней пятью крестьянскими семьями, была отдана въ потомственное владѣніе двумъ братьямъ казакамъ Ядышевымъ, «за осадное сидѣніе въ королевичевъ приходъ подь Москву», какъ говорится въ грамотѣ. Лѣтъ сто тому назадъ, а именно въ 1733 году одна изъ помѣщицъ села Оленина, желая, вѣроятно, имѣть опредѣленные свѣдѣнія о своихъ правахъ на владѣніе селомъ, выхлопотала изъ государственной вотчинной коллегіи слѣдующее описаніе Оленина, замѣчательное въ настоящее время, какъ документъ о тѣхъ раздѣлахъ земли и измѣреніяхъ, которые были въ ходу, въ то, отдаленное отъ насъ, время.

Приводимъ цѣликомъ часть выписки изъ документа *), содер-

*) Самый документъ относится къ 1753 году.

жащаго нѣкоторыя свѣдѣнія о селѣ Оленинѣ въ 1612 году: «По указу ея императорскаго величества самодержицы всероссійской, изъ государственной вотчинной коллегіи дана сія выпись, государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ совѣтника канцеляріи Василия Михайлова сына Бакунина, женѣ его Авдотѣ Васильевой дочери Новиковой, по челобитію ея и по опредѣленіи въ оной вотчинной коллегіи, на нижегородское ея недвижимое имѣніе, состоящее за нею по дачамъ въ селѣ Оленинѣ; о которыхъ, по справкѣ въ вотчинной коллегіи, явились нижеслѣдующія обстоятельства, а именно: въ писцовыхъ книгахъ нижегородскаго уѣзда, письма и мѣры Дмитрія Лодыгина съ товарищи 129, 130 и 131 годовъ въ березопольскомъ стану *), въ помѣстьяхъ написано: за чебоксарскимъ жильцомъ, за казакомъ, да за Абрамомъ Федоровыми дѣтьми, да за ихъ племянники за Гавриломъ, да за Якушомъ, да за Ивашкомъ Ядышевыми дѣтьми, съ матерью со вдовою Еленою; Гаврило служить, а Якушко нынѣ тринадцати лѣтъ, Ивашко осьми лѣтъ, за казакомъ въ вотчинѣ за службу, за московское осадное сидѣніе въ королевичевъ приходъ подѣ Москву, и за Абрамомъ съ племянники въ помѣсть село Оленино, на берегу Оки рѣки; а въ селѣ церковь, пашни церковныя десять четвертей въ полѣ, а въ двѣ потемужъ, земля добра, а за вотчинники по государевымъ грамотамъ пашни, пахонцыя, а пашутъ дѣловые люди пятнадцать четвертей, да перелогомъ и лѣсомъ поросло двадцать двѣ четверти съ осминою, да крестьянскія пашни девять четвертей. А по государеву, цареву и великаго князя Михаила Федоровича всея Россіи указу учинена межа въ селѣ Оленинѣ, дворовымъ усадомъ, а другая называется улицу, межъ вотчинныхъ и межъ помѣстныхъ, на столбѣ, а на немъ граница съ того столба на лѣво подлѣ изгорода, на столбѣ что у дороги, что ѣздить въ деревню Поляну, а на столбѣ грани и по тѣмъ гранямъ до столба на правѣ дворовыя усады Абрама съ племянники, а съ того столба на дубъ, а съ того дуба, по межѣ въ черномъ лѣсу на дубъ, а на немъ грани, земли вотчинная Абрама» и т. д.

Въ настоящее время въ селѣ Оленинѣ считается по послѣд-

*) *Березопольскъ* назывался нынѣшній нижегородскій уѣздъ и часть горбатовскаго еще въ XIII вѣкѣ, вѣроятно вслѣдствіе обилія здѣсь березоваго лѣса. Въ настоящее время это областное названіе вышло изъ употребленія не только въ officialныхъ актахъ, но и у народа. — *Ред.*

ней народной переписи 147 чел. крестьянъ мужскаго пола; помещикаго надѣла, по уставнымъ грамотамъ, состоитъ 417 десятинъ 1720 кв. саж. Всѣ крестьяне временно обязанные тремя помещикамъ. Народонаселеніе въ оленинской волости увеличивается вообще не быстро; по метрикамъ видно, что число умирающихъ и новорожденныхъ въ разныхъ деревняхъ почти равно, но при этомъ нельзя забывать и того, что число умирающихъ особенно велико между новорожденными и дѣтьми до 7-лѣтняго возраста. Смертность между дѣтьми есть прямое слѣдствіе небрежности, невѣжества и дурныхъ гигиеническихъ условий, въ которыхъ находится воспитаніе крестьянскихъ дѣтей въ первые годы ихъ жизни. Въ зимнее время почти всѣ дѣти въ деревняхъ перехвораютъ и только съ наступленіемъ весны начинаютъ выздоравливать; но тутъ является новая бѣда: въ рабочую пору большинство изъ нихъ остается на рукахъ 9 и даже 6-лѣтнихъ цынекъ и потому и въ эту пору года обыкновенно умираетъ много дѣтей. Объ увеличеніи народонаселенія въ волости всего лучше покажетъ таблица, составленная мною изъ выписки о количествѣ наличныхъ жителей по оленинскому приходу за 1872 годъ и показаній оленинскаго волостного правленія, при сравненіи съ выписками изъ ревизскихъ ска-
зокъ 1858 года.

Число ревизскихъ и наличныхъ жителей въ оленинской волости.

НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число ревизскаго населенія			Число наличнаго населенія.		
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.
Село Оленино	147	150	297	159	157	316
Деревня Сысоевка	163	162	325	205	204	409
Деревня Оринкина	135	130	265	152	139	291
Деревня Охотина	157	159	316	174	204	378
Деревня Поляна	187	190	377	191	204	395
Сельцо Банниково	132	139	271	149	146	295
Сельцо Шумилово	360	370	730	405	447	852
Итого	1281	1300	2581	1435	1501	2936

Дворовъ въ Оленинѣ 67, кромѣ домовъ церковно-служителей. Церковь въ Оленинѣ каменная, во имя Николая чудотворца, построена въ 1824 году, взамѣнъ сгорѣвшей въ 1819 году деревянной церкви, основаніе которой относится вѣроятно къ времени основанія села Оленина. Въ деревянной церкви сгорѣли всѣ бумаги и документы, относящіеся къ постройкѣ церкви, а также многія церковныя древности. Въ оленинской церкви хранится теперь только древняя пелена, тканая, пожертвованная архимандритомъ нижегородскаго благовѣщенскаго монастыря въ 1750 году.

Грунтъ земли въ Оленинѣ суглинистый. Изъ яровыхъ хлѣбовъ съѣтъ здѣсь только пшеницу, овесъ и ленъ. Урожай хлѣба бываетъ для ржи, низшій—самъ-3, средній—самъ-6, высшій—самъ-7 и самъ-8; для пшеницы, низшій—самъ-2, средній—самъ-4, высшій—самъ-6; для овса, низшій—самъ-2, средній—самъ-4, высшій—самъ-7. Совершенно неурожайныхъ годовъ старожилы непомнить; чаще всего неурожай яровыхъ хлѣбовъ выкупается урожаемъ ржи и наоборотъ. Крестьяне села Оленина, вслѣдствіе недостаточности своего надѣла, арендуютъ земли у помѣщиковъ, уплачивая, за десятину, отъ 4 до 5 рублей. Картофель разводятъ на усадкахъ; огороды и сады имѣются у каждого крестьянина. Картофель родится самъ-4, самъ-5 и самъ-6; 1872 годъ былъ однимъ изъ самыхъ выгодныхъ для сбора картофеля. На усадкахъ, приблизительно въ $\frac{1}{8}$ десятины, было нарыто 40 мѣръ картофеля, а было посажено только 5 мѣръ. Фруктовые сады въ Оленинѣ не приносятъ дохода, потому что яблоки и ягоды идутъ, большею частію, для домашняго употребленія. Нѣкоторые крестьяне занимаются пчеловодствомъ, имѣя отъ 5 до 6 ульевъ, которые устриваютъ въ садахъ; у одного изъ оленинскихъ крестьянъ сто ульевъ; медъ и воскъ онъ продаетъ въ селѣ Богородскомъ, находящемся въ 7 верстахъ отъ Оленина *). Скотоводствомъ въ Оленинѣ занимаются болѣе, нежели въ окрестныхъ деревняхъ; изъ 67 дворовъ только при трехъ дворахъ не имѣется скота; нѣкоторые-же изъ крестьянъ имѣютъ по 3 лошади и по 2 коровы, кромѣ того держатъ отъ 7 до 8 и болѣе овецъ.

Главнѣйшими промыслами жителей села Оленина являются: торговля лѣсомъ, на лѣсной пристани, при селѣ, и разработка але-

*) Село Богородское, одно изъ промышленныхъ селъ горбатовскаго уѣзда, имѣетъ болѣе 5000 жителей.

бастра и бута въ горахъ, по берегу Оки. На лѣсную пристань села Оленина доставляется, ежегодно, отъ 1500 до 2000 деревьевъ, на сумму, при покупкѣ, отъ 1 р. 50 к. до 3 р., цѣнностію, среднимъ числомъ, на 3937 рублей, а по продажѣ (отъ 5 до 6 р., за дерево), среднимъ числомъ, на сумму 9625 рублей. Лѣсъ покупается на р. Унжѣ, а продается, какъ мѣстнымъ жителямъ, по окрестнымъ деревнямъ, такъ и въ селѣ Богородскомъ, которое въ особенности поддерживаетъ оленинскую торговлю лѣсомъ. Пилка лѣса занимаетъ много рабочихъ рукъ, тѣмъ болѣе, что хорошій пищикъ зарабатываетъ до 4 рублей въ недѣлю, на своемъ содержаніи и до 2 рублей, на содержаніи хозяина *); платятъ съ рѣзца (т. е. по количеству распиленныхъ бревенъ) отъ 12 до 15 к. за отрѣзъ или отпилъ доски отъ бревна. Алебастръ и бутъ добываютъ въ горахъ, при селѣ Оленинѣ, до 60 тысячъ пудовъ, на сумму приблизительно (отъ 18 до 20 рублей за тысячу пудовъ) отъ 1080 до 1200 рублей. Разработкой алебастра занимаются, какъ сами крестьяне села Оленина, такъ и крестьяне сосѣднихъ деревень, которыхъ оленинскіе крестьяне нанимаютъ въ работники. Горный работникъ получаетъ, на содержаніи хозяина, отъ 25 до 30 рублей съ октября или съ ноября мѣсяца до апрѣля **), а на своемъ содержаніи—вдвое болѣе. Алебастръ доставляется оленинскими крестьянами къ московско-нижегородской желѣзной дорогѣ, именно въ чернорѣченской станціи, въ 10 верстахъ отъ Оленина, гдѣ и грузится для отправки въ Москву. Въ Москвѣ алебастръ продается не собственно оленинскими крестьянами, а нѣсколькими скупщиками камня, изъ которыхъ только одинъ принадлежитъ къ оленинской волости, а именно: крестьянинъ деревни Сысоевки В. И. Серединъ, устроившій, близъ Чернорѣчья, толчею, для раздробленія алебастра на мелкія части.

При селѣ Оленинѣ имѣются также рыбныя ловли, но крестьяне ими непользуются, сдавая ихъ арендатору, крестьянину деревни Малышевой, балахнинскаго уѣзда, за 100 р. въ годъ, которые и раздѣляются по числу тяголъ.

До 19 февраля крестьяне села Оленина принадлежали троиимъ

*) Хозяева—большую частью крестьяне села Оленина, рабочіе—оленинскіе и изъ сосѣднихъ деревень.

**) Работа въ горахъ начинается послѣ первыхъ сильныхъ морозовъ.

помѣщикамъ: гг. Погуляеву, Бравину и Жукову, и состояли на оброктѣ, не превышавшемъ размѣра повинности, указанной въ положеніи 19 февраля, вѣдѣстныя чего и остались на томъ-же денежномъ оброктѣ, какъ и во время крѣпостного права; только крестьяне г. Погуляева (нынѣ временно-обязанные г-жѣ Дейбнеръ) платять, сверхъ оброчной суммы, по особому условію, за пользованіе рыбными ловлями и алебастромъ (по 30 коп. съ человѣка), на томъ основаніи, что горы и рыбныя ловли до 19 февраля состояли въ распоряженіи владѣльцевъ и оставлены за ними по уставной грамотѣ. Оброкъ крестьяне села Оленина вносятъ безнедоимочно, въ два срока, временно-обязанные г-жѣ Дейбнеръ по 8 рублей за надѣлъ, а гг. Жукову и Бравину по 7 рублей. Другихъ повинностей, какъ-то: подушныхъ, поземельныхъ, государственнаго земскаго сбора, общественныхъ, на волостное правленіе и содержаніе духовенства, приходится уплачивать съ человѣка до 7 рублей въ годъ. Платежъ страховыхъ денегъ, смотря по оцѣнкѣ строенія (по 3 к. съ рубля) отъ 30 к. до 1 рубля въ годъ. Выкупная сумма, за всю осыдасть крестьянъ села Оленина и съ полевымъ надѣломъ исчислена въ 18,819 рублей 60 коп. за 147 надѣловъ, на каждый надѣлъ причитается, круглымъ числомъ, 128 р. 21 $\frac{1}{2}$ к. *).

Фабрикъ и заводовъ въ Оленинѣ нѣтъ; мельницъ дукомольныхъ (вѣтряныхъ) три.

II.

Селенія, составляющія оленинскую волость. — Сысоевка. — Оришкина. — Охотина. — Поляна. — Банниково. — Шумилово.

До 1872 года Оленино было центромъ оленинской волости, состоявшей изъ семи деревень; съ 1 мая 1872 года одна изъ этихъ деревень, а именно деревня Кожевица съ населеніемъ въ 196 чел. муж. пола перечислена въ сосѣдственную дудневскую волость. Въ настоящее время въ оленинской волости числится 4 деревни: *Сысоевка, Оришкина, Охотина, Поляна* и 2 сельца: *Банниково* и *Шумилово*.

Первая изъ деревень — *Сысоевка* — находится на разстояніи одной версты отъ села Оленина, и по быту жителей и промысламъ,

*) Выкупная сумма нечислена, при добровольномъ соглашеніи крестьянъ, безъ вычета нитой части, на основаніи 66 и 67 ст. жѣстнаго положенія.

ничѣмъ почти неотличается отъ села. Сысоевскіе крестьяне также занимаются илкой лѣса и разработкой алебастра. Поземельнаго надѣла при деревнѣ Сысоевѣ состоитъ 503 десятины, при 163 чел. населенія муж. пола. Сысоевскіе крестьяне—временно-обязанные троемъ помѣщикамъ: гг. Шереметеву, Аверкиеву и Веригѣ, изъ которыхъ первому уплачиваютъ по 8 рублей за надѣлъ, второму 7 рублей, а третьему 5 рублей. Выкупная сумма, за всю осѣдлость, съ полевымъ надѣломъ, исчислена въ 20,410 рублей за 163 надѣла. Торговля алебастромъ сосредоточивается въ рукахъ одного крестьянина В. Н. Середина, о которомъ упомянуто выше. Фабрикъ въ деревнѣ не существуетъ; мельницъ мукомольныхъ 4.

Въ 3 верстахъ отъ Оленина находится деревня *Орипкина*, съ населеніемъ въ 135 чел. муж. пола. Поземельный надѣлъ въ Орипкинѣ невеликъ, всего 388 десятинъ 15 кв. саж., т. е. по 2 десат. 2097 кв. саж. на человѣка. Крестьяне деревни Орипкиной, временно-обязанные г. Виноградову, уплачиваютъ, за каждый поземельный надѣлъ, по 8 рублей, въ два срока. Выкупная сумма за усадебную осѣдлость и полевой надѣлъ—18,134 рубля 55 коп.

Орипкинскіе крестьяне занимаются, кромѣ обработки земли, илкой лѣса, на лѣсной пристани села Оленина, и ковкой гвоздей, въ зимнее время. Кузницъ 4, кузнецовъ до 50 человѣкъ; гвоздей наковываютъ, приблизительно, до 1000 пудовъ, на сумму 1600 рублей. Мельницъ мукомольныхъ въ Орипкинѣ три.

Верстахъ въ 3 отъ Орипкина расположена деревня *Охотина*, о которой упоминается при означеніи границъ оленинской земли, въ документахъ по селу Оленину. Часть охотинской земли и понышѣ прилегаетъ къ оленинскимъ полямъ. По документамъ, изъ которыхъ сдѣлана мною выписка выше, видно, что въ XVI столѣтіи деревни Охотина и Поляна уже существовали, но къмъ они были основаны и кому принадлежали въ то время, неизвѣстно. По преданіямъ, перешедшимъ отъ стариковъ къ внукамъ, извѣстно, что лѣтъ 100 тому назадъ, по всей мѣстности отъ села Оленина до Бааникова и Шумилова былъ густой непроходимый лѣсъ и деревни Охотина и Поляна стояли на лѣсныхъ простѣкахъ, отчего посѣднія вѣроятно и получила свое названіе. Охотина, можетъ быть, обязана своимъ основаніемъ также какому нибудь помѣщику, устроившему деревню среди лѣса для остановокъ, во время охоты. Въ настоящее время отъ стариннаго лѣса нѣтъ даже и слѣда;

только по берегу Оки, близъ Поляны, и между Орипкиной и Шумиловымъ, осталось нѣсколько десятинъ, покрытыхъ кустарникомъ и невысокимъ березникомъ.

Въ Охотинѣ 157 чел. населенія муж. пола; земли въ надѣлъ крестьянамъ поступило 601 десятина 1972 кв. саж. Охотинскіе крестьяне до 19 февраля принадлежали четыремъ помѣщикамъ, а въ настоящее время состоятъ временно-обязанными г. Назимову, Белейникову и г-жамъ Рудольфъ и Ивановой; первымъ платятъ за надѣлъ, отъ 8 рублей до 8 рублей 82 коп., а послѣдней, за 3 десятины надѣла, 6 р. 35 к. Крестьяне, временно-обязанные г. Назимову и другимъ, имѣютъ по 4 десятины на человѣка мужескаго пола. Выкупная сумма за Охотину исчислена въ 21,095 р. 90 к.; на каждый надѣлъ причитается 134 р. 36 к. По вѣншаему виду и постройкамъ, Охотина представляетъ одно изъ неправильно расположенныхъ селеній нашей волости. Крестьянскіе дворы разбросаны, безъ всякаго плана и симметріи, по горамъ и оврагамъ; строеніе столь тѣсно, что при малѣйшемъ пожарѣ деревня рискуетъ быть вся охвачена пламенемъ.

Охотинскіе крестьяне занимаются разработкой алебаstra въ горахъ по рѣкѣ Окѣ. Горы съ алебастромъ и бутомъ поступили въ надѣлъ крестьянамъ, которые добываютъ приблизительно до 40,000 пудовъ. Прежде, лѣтъ пять тому назадъ, охотинскіе крестьяне ковали гвозди, но теперь кузнечный промыселъ находится въ совершенномъ упадкѣ, вслѣдствіе дороговизны угля. Кузницъ въ Охотинѣ болѣе не существуетъ. До 1871 года человѣкъ 20 изъ крестьянъ деревни Охотиной уходили ежегодно въ Астрахань, на рыбныя ловли, но теперь они почти всѣ совсѣмъ туда переселились для торговли рыбой. Многіе изъ охотинскихъ жителей занимаютъ мѣста лодмановъ на баржахъ и пароходахъ. Хлѣба въ Охотинѣ при одномъ надѣлѣ (исключая временно-обязанныхъ крестьянъ г-жѣ Ивановой и г. Назимову) достаётъ, при семьѣ, состоящей изъ двухъ взрослыхъ, одного малолѣтняго, на 10 мѣсяцевъ; при двухъ надѣлахъ, въ семьѣ, состоящей изъ 3 взрослыхъ, также на 10 и даже на 11 мѣсяцевъ; при 3 надѣлахъ—на годъ съ излишкомъ и т. д. Ремесленниковъ въ Охотинѣ только 1 сапожникъ, но и тотъ—не изъ мѣстныхъ крестьянъ, а уроженецъ варшавской губерніи, служившій рядовымъ въ одномъ изъ полковъ, стоявшихъ въ нашей губерніи. Мельницъ въ Охотинѣ только одна.

Поляна отстоитъ отъ Охотины не далѣе одной версты; поля

этихъ деревень смежны и группъ земли въ обѣихъ одинаковый, т. е. суглинистый, какъ и въ селѣ Оленинѣ. По числу населенія Поляна многолюднѣе Охотиной; по уставной грамотѣ, въ Полянѣ поземельный надѣлъ получили 187 чел. мужескаго пола въ количествѣ 536 десятинъ. Землевладѣльцевъ въ Полянѣ трое: гг. Климовъ, Скоробогатовъ и Аверкіевъ; первому крестьяне платятъ за полный надѣлъ (4 дес.) 9 рублей, второму, за 3 десятины, 7 рублей и третьему, за 2 дес., 304 кв. саж., 6 р. 88 к.

Хлѣба, въ бывшихъ барщинахъ гг. Скоробогатова и Аверкіева, бываетъ недостаточно для крестьянскихъ семействъ, состоящихъ изъ 5—6 лицъ, даже при двухъ надѣлахъ. По словамъ временно-обязанныхъ крестьянъ г. Аверкіеву, хлѣба съ двухъ надѣловъ, при семьѣ изъ 4 человекъ, едва достаетъ до декабря мѣсяца, т. е. на 4 мѣсяца въ году. Крестьяне деревни Поляны арендуютъ 33 десятины земли, оставшейся за надѣломъ крестьянъ сельца Банникова; арендовать они начали съ 1870 года, по условію, съ землевладѣльцей, заключенному на 12 лѣтъ, съ платой ежегодно по 4 рубля, за десятину ярового и ржаного поля; паровое поле отдается бесплатно. Быть крестьянъ деревни Поляны довольно обезпеченъ тѣмъ, что въ средѣ полянскихъ крестьянъ много ремесленниковъ. Хлѣбопашествомъ въ Полянѣ занимаются только 40 человекъ; остальное населеніе состоитъ изъ ремесленниковъ, подрядчиковъ и мелочныхъ торговцевъ. Большинство ремесленниковъ занимается печнымъ дѣломъ. Печниковъ въ Полянѣ 50 человекъ; хорошіе мастера получаютъ отъ 80 до 100 рублей, какъ говорится, за лѣто; начинаютъ работы съ 1 апрѣля и продолжаютъ ихъ до 1 октября; работаютъ на содержаніи хозяина или подрядчика. Мальчики, только-что начинающіе учиться печному ремеслу, получаютъ въ первый годъ, на содержаніи хозяина, отъ 15 до 16 рублей за лѣто, а черезъ годъ работы при мастерѣ — отъ 20 до 25 рублей. Плата возвышается съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ пріобрѣтенія навыка и опытности въ ремеслѣ. Плотниковъ, работающихъ въ окрестности, въ Полянѣ трое, кузнецовъ 28 человекъ. Скотоводствомъ полянскіе крестьяне занимаются мало, но скотъ держатъ хорошій. Садоводство не въ большихъ размѣрахъ, но почти каждый крестьянинъ имѣетъ фруктовый садъ и продаетъ яблоки, въ урожайные годы, на сумму отъ 10 до 15 рублей, отвозя ихъ на базаръ въ село Богородское. Пчеловодствомъ занимается преимущественно одинъ

крестьянинъ, имѣющій до 200 ульевъ въ одномъ изъ перелѣсковъ при деревнѣ Полянѣ. Строенія у полянскихъ крестьянъ хорошія и почти всѣ новыя (вслѣдствіе частыхъ передѣловъ); большинство крестьянъ имѣетъ по двѣ избы, переднюю и такъ называемую заднюю. Мельницъ мукомольныхъ въ Полянѣ три. Уходя на заработки, полянскіе крестьяне сдаютъ свои поземельные надѣлы для обработки, тѣмъ изъ своихъ односельцевъ, которые, не занимаясь ремесломъ, существуютъ исключительно обработкой своихъ и чужихъ надѣловъ; такихъ земледѣльцевъ считается въ Полянѣ, какъ сказано мною выше, только 40 человекъ. За обработку тягла, т. е. двухъ надѣловъ, крестьянинъ-земледѣлецъ беретъ съ своего односельца отъ 20 до 25 рублей; обработка должна состоять въ томъ, чтобы вспахать подъ яровое, заборонить, посеять, вспахать подъ озимое, посеять, свезти хлѣбъ въ снопахъ съ поля и вымолотить. Жатва или жнитво составляетъ обыкновенно обязанность женщинъ, остающихся въ деревнѣ, и выполняется взявшими обработку тягло, только въ томъ случаѣ, когда жена крестьянина, сдававшая надѣлъ, ушла съ нимъ также въ городъ. Въ такихъ случаяхъ обрабатывающій тягло получаетъ выше обыкновенной платы, а именно: отъ 25 до 30 рублей. Печники деревни Поляны уходятъ на заработки въ Нижній-Новгородъ, въ уѣзды города Балахну, Семеновъ и въ нѣкоторые города востромской губерніи, также въ уѣзды владимірской губерніи, лежащіе по московско-нижегородской желѣзной дорогѣ. Въ одной верстѣ отъ деревни Поляны лежитъ селцо Банниково. Когда и кѣмъ основано оно — неизвѣстно, но по межевымъ и другимъ документамъ видно, что въ 1785 году, при учрежденіи горбатовскаго уѣзда, селцо Банниково уже существовало, въ тѣхъ-же размѣрахъ, какъ и теперь. Въ одномъ изъ документовъ говорится: «1785 года, іюля 2 дня, по указу ея величества государыни Екатерины Алексѣевны и проч., и проч., учинена межа нижегородскаго, что нынѣ новоучрежденнаго горбатовскаго уѣзда, березопольскаго стану селцо Банниково». Банниково принадлежало въ то время жепѣ орловскаго дворянина Е. В. Карповой и перешло отъ нея, по наслѣдству, къ дочери ея, вышедшей въ замужество за дѣда моего Н. М. Бравина, которымъ передано сначала дядѣ, а потомъ отцу моему. Въ настоящее время крестьяне селца Банникова еще не выкупили своихъ надѣловъ; по уставной грамотѣ они владѣютъ 476 десятинами 727 кв. саж.; надѣлъ по-

лучили 132 чел. муж. пола. За означенное пользованіе, по положенію 19 февраля, слѣдовало уплачивать оброку, съ каждаго надѣла 8 рублей 56 коп. въ годъ, но какъ крестьяне, до 19 февраля, платили, за то же количество земли, менѣ утвержденного положеніемъ, а именно по 7 рублей 36 коп., за надѣлы, то на основаніи 170 статьи мѣстнаго положенія, крестьяне остались на прежнемъ оброкѣ. Платежъ оброка раздѣленъ на 3 срока, по 2 рубля 45¹/₃ коп. въ каждый срокъ. Выкупная сумма за усадьбы, съ полевыми надѣлами, составитъ въ Банниковѣ, при добровольномъ соглашеніи крестьянъ 16,200 рублей; на каждый надѣлъ причисляется 122 р. 72 коп.; безъ соглашенія крестьянъ сумма будетъ менѣ.

Предпочитая занятія промышленностію въ городѣ, многіе крестьяне, послѣ 19 февраля, переселились въ городъ, отказавшись временно отъ земли; въ настоящее время владѣютъ землей въ Банниковѣ только 108 человѣкъ муж. пола. Бродъ того крестьяне, раздѣливъ землю на 108 участковъ, сдаютъ ее часто въ аренду, какъ своимъ односельцамъ, такъ и крестьянамъ ближнихъ деревень. Многіе крестьяне, также какъ и въ Полянѣ, занимаются исключительно обработкой сдаваемыхъ имъ односельцами надѣловъ. За обработку надѣловъ въ Банниковѣ цѣна гораздо выше цѣны за ту же работу въ Полянѣ, а именно: за обработку надѣла здѣсь берутъ отъ 30 до 32 рублей. Крестьяне, обрабатывающіе надѣлы, имѣютъ скота несравненно болѣе другихъ крестьянъ; лошадей держатъ по парѣ и даже по тройкѣ, коровъ по 2, съ телями—3, 4, овецъ отъ 10 до 14 головъ. Крестьяне, уходящіе лѣтомъ, на заработки, въ городъ, скота держатъ мало, лошадей не держатъ, коровъ имѣютъ по одной, овецъ 5, 6 головъ, а иногда и овецъ не держатъ. При 50 дворахъ въ Банниковѣ скота имѣется: коровъ 60 головъ, лошадей 45, овецъ 100. Избы въ селѣ Банниковѣ все крыты тесомъ; десять семействъ имѣютъ по двѣ избы. Ремесла въ Банниковѣ слѣдующіе: кузнечное (въ деревнѣ 4 кузницы, въ которыхъ вырабатывается гвоздей приблизительно до 1120 пудовъ, на сумму до 1792 рублей; работаютъ только въ зимнее время; рабочихъ до 36 человѣкъ); кирпичное—въ продолженіи лѣта, на кирпичныхъ заводахъ, за рѣкой Окой. Занимаясь издавна дѣланьемъ кирпичей, нѣкоторые изъ банниковскихъ крестьянъ становятся подрядчиками, а иные—рабочими; подрядчиковъ въ Банниковѣ двое. Рабочіе на

содержаніи хозяина получаютъ отъ 30 до 35 рублей за лѣто, начиная работу съ 1 апрѣля и оканчивая ее къ 22 октября. Ремесленниковъ собственно четверо, а именно: крестьянинъ, работающій желѣзныя печи, ведра и различную посуду изъ желѣза; помощниковъ у него двое; четвертый изъ ремесленниковъ — отставной солдатъ — занимается производствомъ веревокъ. Маляровъ въ Банинковѣ двое, но они работаютъ постоянно въ Нижнемъ-Новгородѣ. Приказчиковъ или сидѣльцевъ въ лавкахъ Нижняго-Новгорода изъ банинковскихъ крестьянъ 7 человекъ, извозчиковъ 5 человекъ, занимающихся земляной работой въ Нижнемъ-Новгородѣ до 20 человекъ, на заводѣ Колчина работаетъ 1, на кожевенныхъ заводахъ въ Богородскомъ также 1.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что земледѣліе не составляетъ исключительнаго занятія банинковскихъ крестьянъ. Урожай земли, взявъ 15-тилѣтнюю сложность, бываетъ въ Банинковѣ низшій, для ржи — самъ-4, средній — самъ-5, высшій — самъ-6 и самъ-7; для яровыхъ хлѣбовъ, а именно для пшеницы, овса, гречи и ячменя, низшій — самъ-2, средній — самъ-3, высшій — самъ-5. Въ 1872 году урожай яровыхъ въ Банинковѣ былъ даже самъ-6, но такого урожая, какъ говорятъ старики, лѣтъ 20 не было. Крестьянскія семьи въ Банинковѣ, при одномъ надѣлѣ (при среднемъ урожаѣ), получаютъ ржи до 3 четвертей; за вычетомъ 1 четверти на сѣмена, остается на продовольствіе: муки ржаной 32 пуда, пшеничной — 8 пудовъ, овса — 1 четверть, гречи крупной — 4 мѣры, льна — 2 мѣры сѣменемъ, а собственно волоконемъ — 1 пудъ 10 фунтовъ. По договорившійся, господствующей на всѣ эти продукты въ нашей мѣстности, доходъ отъ нихъ, переложенный на деньги, составляетъ по *весеннимъ цѣнамъ*: ржи 32 пуда, по 80 коп., на 2 р. 60 к., муки пшеничной на 16 рублей, овса на 4 рубля, гречи на 4 р. 80 к., льна (сѣмя котораго обмѣниваютъ на масло, получая за одну мѣру сѣмени 7 фунтовъ, за 2 мѣры — 14 фунтовъ постнаго масла) на сумму 2 р. 80 к.; волоконъ льна 1 пудъ 10 фунтовъ (изъ котораго выдеть приблизительно 51 аршинъ холста, по 10 коп.), на сумму 5 р. 10 к.; картофелю 30 мѣръ, по 20 к., на 6 рублей; сѣна возъ, по 30 к. пудъ, до 10 пудовъ, на сумму 3 р., мякины, которую измѣраютъ здѣсь, при продажѣ, кругами (въ кругу до 250 сноповъ), за кругъ 1 р. 50 к., до 3 круговъ съ 1 надѣла, на 4 р. 50 к., а всего на сумму, по *весеннимъ цѣнамъ*, до 71 р. 80 к.

По осеннимъ цѣнамъ всѣ эти продукты дешевле, а именно хлѣба ржаного 32 пуда можно купить на сумму 22 р. 40 к.; муки пшеничной 8 пудовъ на 11 р. 20 к., овса на 2 р. 50 к., картофеля 30 мѣръ на 3 р.; греча стоитъ почти въ одной цѣнѣ; съно и мякина также.

Большинство банниковскихъ крестьянъ имѣютъ по два, по три и болѣе надѣловъ, а именно изъ 108 чел. муж. пола, имѣющихъ по два надѣла, состоятъ въ Банниковѣ 21 семейство, по три надѣла 11 семействъ, по четыре надѣла 6 семействъ, по пяти надѣловъ 1 семейство и по одному надѣлу имѣютъ только 4 семьи. Но кромѣ вышеисчисленныхъ 43 семействъ въ Банниковѣ, при 7 дворахъ, не имѣется поземельнаго надѣла; дворы эти принадлежатъ отставнымъ солдатамъ или старухамъ-бобылкамъ, удалившимся на покой въ свои кельи, а также нѣкоторымъ изъ крестьянъ, ушедшимъ въ городъ и временно отказавшимся отъ земли.

Доходъ отъ промысловъ крестьянъ можно исчислить въ слѣдующихъ размѣрахъ: кузнечное производство, о которомъ подробнѣе будетъ сказано ниже, даетъ рабочему до 6 р. 20 к. въ мѣсяцъ *); лѣтнія работы отъ 30 до 40 р. съ 1 апрѣля до 22 октября; малярныя работы—до 100 р. въ годъ; слесарныя, на заводахъ, по 75 к. въ день; желѣзное производство печей и ведеръ до 5 р. въ недѣлю. Среднимъ числомъ доходъ семьи, при двухъ надѣлахъ и двухъ взрослыхъ работникахъ, можно опредѣлить въ 200 р., по слѣдующему разсчету: доходъ отъ земли, взявъ среднія цѣны на хлѣбъ—108 р. въ годъ, зимняя работа двухъ работниковъ—60 р., лѣтняя работа одного работника, полагая, что другой работникъ будетъ заниматься обработкой земли въ деревнѣ (на обработку 2 надѣловъ достаточно одного работника)—35 р., что и составляетъ 203 р. Этотъ разсчетъ выведенъ на основаніи показаній самихъ крестьянъ, но въ семьяхъ при 3, 4, а тѣмъ болѣе 5 надѣлахъ доходъ гораздо выше; крестьянинъ, имѣющій пять надѣловъ, торгуетъ овсомъ, ячменемъ и пшеницей, произведеніями собственныхъ полей. Расходъ крестьянина будетъ выведенъ мною ниже, но теперь, при исчисленіи дохода крестьянина, при двухъ надѣлахъ, огра-

*) Разсчетъ показанъ при среднихъ цѣнахъ на товары и при работѣ посредственнаго рабочаго.

ничусь только общимъ указаніемъ остатковъ отъ этаго дохода, за уплатой повинностей. Изъ 200 р. 100 р. составляютъ доходъ отъ земли, переложенный на деньги, но въ сущности идущій весь на содержаніе семьи. Изъ 100 р., уплачивается собственно за землю, за 2 надѣла, 14 р.; подушныхъ, поземельныхъ, общественныхъ и другихъ сборовъ, по числу чел. муж. пола въ семьѣ, за двоихъ, тоже около 14—15 р. въ годъ, а всего по податямъ 28 р. На пищу, освѣщеніе и проч. расходы остается 72 р., или 6 р. въ мѣсяцъ.

Въ 2 верстахъ отъ Банникова находится одно изъ самыхъ многолюдныхъ селеній нашей волости—сельцо *Шумилово*. Поземельный надѣлъ въ Шумиловѣ получили 360 чел. муж. пола, изъ нихъ въ настоящее время крестьянъ-собственниковъ 138 чел.; остальные крестьяне временно-обязанные: г. Литомьину—117 чел. муж. пола, г. Суцову—39, г. Виноградову—47, г. Анненкову—19. Земли при сельцѣ Шумиловѣ въ надѣлъ крестьянамъ поступило: крестьянамъ-собственникамъ 332 десятины и временно-обязаннымъ крестьянамъ 702 десятины; надѣлъ неравный: крестьяне гг. Суцова, Виноградова и Анненкова имѣютъ по 2 десятины на чел. муж. пола, крестьяне г. Литомьина 4 десятины, вслѣдствіе чего и платежъ за землю различный: первые платятъ по 7 р., за надѣлъ, послѣдніе 9 р., платежъ въ два срока. Крестьяне-собственники платятъ по 6 р. 89 к., въ два срока, изъ нихъ 8 крестьянъ освобождены совершенно отъ платежа за поземельный надѣлъ, потому что уже выплатили правительству выкупную сумму, внесе впередъ за свои надѣлы. Выкупная сумма, за всю осѣдлость въ сельцѣ Шумиловѣ, состояла изъ 48,616 р. 83 к.; на надѣлъ причиталось 138 р. 90 к.; за исключеніемъ выкупленныхъ надѣловъ, остается выкупной суммы 29,447 р. 80 к. Кромѣ земледѣлія, шумиловскіе крестьяне занимаются различными промыслами.

Мельницъ мукомольныхъ въ Шумиловѣ 7, круподерокъ 2, кузницъ 6; нѣкоторые крестьяне занимаются производствомъ войлоковъ, валеныхъ сапоговъ, литьемъ салныхъ свѣчей, малярнымъ и шорнымъ ремеслами, извозомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и мелочнымъ торгомъ. Сельцо Шумилово, по отдаленности отъ села Оленина, числится въ приходѣ села Ефимьева нижегородскаго уѣзда, отстоящемъ отъ Шумилова только на разстояніи 3 верстъ. Шумилово и Банниково стоятъ на границѣ горбатовскаго уѣзда съ нижегородскимъ; первое отстоитъ отъ Нижняго-Новгорода на 34 версты,

по муромскому тракту, а второе на 29, по тому же тракту; отъ торговаго села Богородскаго первое въ 8 верстахъ, второе въ 10.

III.

Общій очеркъ оленинской волости.—Народное образованіе.—Предразсудки и суевѣрія.—Здоровье жителей и смертность за послѣдніе годы.

Представивъ въ частности описаніе каждаго селенія оленинской волости, перехожу къ общему описанію всей волости. Жителей въ оленинской волости считается: крестьянъ 1300, дворянъ 1, духовенства 4, женщинъ крестьянокъ до 1350 чел., дворянокъ 3, духовнаго званія 3, мѣщанокъ 5, а всего 2666 чел.; по происхожденію всѣ жители русскіе; инородцевъ нѣтъ; по вѣроисповѣданію—православные; раскольниковъ въ волости явныхъ не имѣется, хотя въ нѣкоторыхъ крестьянахъ замѣтно особое уваженіе къ такъ называемой старой вѣрѣ или старообрядству; но въ церковь всѣ ходятъ.

Общее описаніе быта крестьянъ оленинской волости начну съ самаго главнаго, по моему мнѣнію, — съ характеристики жителей, по ихъ умственному и нравственному развитію. Развитіе умственное тѣсно связано съ нравственнымъ и наоборотъ, но, къ сожалѣнію, въ нашей волости первое изъ нихъ стоитъ на довольно низкой ступени. Питейныхъ заведеній у насъ въ волости — 3, а школа, официально открытая, только одна. Предположенія объ открытіи школы, начавшіяся съ 1861 года, осуществились только 26 октября 1872 года, и то благодаря земству, опредѣлившему выдавать ежегодно жалованье учителю, если крестьяне согласятся открыть училище при волостномъ правленіи, которое имѣетъ еще съ 1862 года достаточное помѣщеніе для училища. Дѣло стояло до сихъ поръ за согласіемъ всѣхъ крестьянъ на открытіе училища. Борьба партій, неизбежная въ каждомъ дѣлѣ, при разности мнѣній, тормозила ходъ этаго дѣла: одни крестьяне говорили, что можно выучиться грамотѣ безъ училища, какъ до сей поры учились у мѣстныхъ грамотѣевъ, другіе утверждали, что всѣхъ дѣтей волости невозможно обучать въ волостномъ училищѣ, а платить за чужихъ дѣтей тѣмъ, у кого дѣти учиться не будутъ, неправильно и невыгодно для общества; иные положительно отказывались отъ платежа денегъ на училищныя нужды, не выставляя причинъ и только меньшинство выражало желаніе открыть школу. Это то мень-

шинство, дѣйствуя энергично, и достигло своей цѣли. Средства училища пока состоятъ только изъ 150 р., ассигнуемыхъ земствомъ; общество еще ничего не дало отъ себя. Училище помѣщается въ одной изъ комнатъ волостного правленія, отапливаемой и прежде, до открытія училища. Преподаватель присланъ горбатовскимъ училищнымъ совѣтомъ; законоучителемъ состоитъ священникъ села Оленина М. И. Полидорскій, который взялъ на себя трудъ безвозмездно обучать мальчиковъ закону божію. Открытіе училища, какъ сказано выше, происходило 26 октября, съ большою торжественностію. Послѣ обѣдни и проповѣди, въ которой М. И. Полидорскій говорилъ родителямъ о важности открытія училища, какъ о средствѣ вліять на умственное и нравственное состояніе народа и въ краткихъ удобопонятныхъ выраженіяхъ совѣтовалъ родителямъ не пренебрегать случаемъ къ обученію ихъ дѣтей грамотѣ, посылая ихъ въ училище, всѣ присутствовавшіе въ церкви послѣдовали за священникомъ и мальчиками, будущими учениками школы, несшими образа и хоругви въ училище, съ пѣніемъ «Царю небесный». Въ училищѣ былъ отслуженъ молебенъ, съ водоосвященіемъ, а черезъ полчаса данъ первый пробный урокъ 45 мальчикамъ, въ присутствіи волостного старшины, писаря, нѣкоторыхъ родителей учениковъ и пишущей эти строки.

Дѣти нашей волости любятъ ученіе и безъ страха собрались въ школу; многіе изъ нихъ даже съ сильнымъ нетерпѣніемъ ждали открытія школы. Причины этого явленія заключаются кажется въ нижеслѣдующемъ: лѣтъ 9 тому назадъ, пріѣхавъ въ селцо Банинково, по окончаніи своего собственнаго ученія, и имѣя достаточно много досужаго времени, я начала учить грамотѣ безвозмездно пятерыхъ мальчиковъ, дѣтей крестьянъ. Бывши сильной поклонницей теоріи Л. Н. Толстого (издателя журнала «Ясная Поляна» и основателя столь извѣстной, въ свое время, ясно-полянскій школы) о полной свободѣ и нестѣсняемости учащихся въ школѣ, я основала свою маленькую школу, именно на такихъ началахъ. Начиная учить, я говорила о своемъ желаніи учить грамотѣ самимъ дѣтямъ, общая имъ рассказывать сказки и дарить за хорошее ученіе книги и картинки. На сколько примѣнима и практична была эта теорія, доказалъ вполне мой первый опытъ: 9 лѣтъ прошло съ той поры, какъ я давала первый урокъ чтенія и письма пяти крестьянскимъ мальчикамъ и продолженіи этихъ 9 лѣтъ, мнѣ

посчастливилось обучить грамотѣ—чтенію, письму и первымъ правиламъ арифметики—70 человекъ, обучить, безъ побужденія родителей посылать дѣтей въ школу, безъ наказаній и принужденій учиться самихъ дѣтей. Дѣти ходили и ходятъ ко мнѣ ежедневно, даже и понынѣ, учатся охотно, но и учрежденіе школы въ Оленинѣ было принято нѣкоторыми изъ нихъ съ большимъ сочувствіемъ. Изъ села Оленина ко мнѣ ходили также многіе мальчики, но неудобство проходить ежедневно 7 верстъ въ Банниково и обратно вызвало то, что нѣкоторые изъ нихъ занимали квартиры въ Банниковѣ, а иные жили у меня, хотя родители все таки затруднились посылать мальчиковъ въ чужую деревню, особенно когда въ мальчикѣ нуждались для домашнихъ работъ. Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, оленинскіе ученики не могли рассчитывать на продолжительность ученія въ моей школѣ и открытіе училища въ селѣ было встрѣчено ими съ радостью. Учила я въ своемъ домѣ, выбравъ для классовъ одну отдѣльную комнату въ особомъ флигелѣ; ученіе продолжалось у меня ежегодно отъ 1 мая до 25 декабря. Не открывая официально школу, я подавала однако ежегодно отчеты мѣстному благочинному и два раза школа моя была посѣщаемая членами училищнаго совѣта; но во избѣжаніе различныхъ хлопотъ, связанныхъ съ постоянными релизіями, я предпочитала и предпочитаю вести обученіе грамотѣ домашнимъ образомъ, не принимая вновь болѣе 10 учениковъ ежегодно. Ученіе ведется у меня по звуковому методу, но года два тому назадъ я придерживалась болѣе метода Золотова, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ. Всѣхъ обучавшихся у меня было: изъ селца Банникова 41 мальчикъ и 1 дѣвочка, изъ села Оленина 12 мальчиковъ, изъ деревни Охотиной 6 мальчиковъ, изъ Поляны 4 мальчика и 2 дѣвочки, изъ Сыроевки 2 мальчика, изъ Орипкиной 1 мальчикъ, изъ Шуми: ова 3 мальчика; изъ дѣтей бывшихъ дворовыхъ людей было у меня двое. По возрасту ученики мои были отъ 8 лѣтъ до 16. Года два я занималась обученіемъ грамотѣ, по воскресеньямъ, 9 мальчиковъ—кузнецовъ, работавшихъ, по буднямъ, въ кузницахъ селца Банникова. Это были мальчики 15 и 16 лѣтъ. Въ обученіи грамотѣ они видѣли матеріальную выгоду, а именно: желали избавиться отъ работы въ кузницахъ, чтобы, обучившись грамотѣ, идти въ городъ для пріисканія себѣ мѣстъ сидѣлецъ въ лавкахъ. Двумъ изъ этихъ учениковъ особенно посчастливилось: одинъ изъ нихъ служить въ настоящее время

ми приказчикомъ у купца Лизякина въ Нижнемъ-Новгородѣ, другой у купца Щелокова; оба получаютъ довольно значительное жалованье (до 300 р.). Изъ остальныхъ 7 человекъ никто почти не работаетъ въ кузницахъ; двое служатъ въ булочныхъ Нижняго-Новгорода, одинъ на заводѣ купца Колчина и т. д. Всѣ эти первые ученики, въ особенности передъ послѣдующими, занимались усердно ученіемъ и поддерживали во мнѣ эгергію и желаніе посвящать свой досугъ обученію грамотѣ. Грамотность въ Банниковѣ развивалась больше семьями; такъ въ одной семьѣ, весьма богатой дѣтьми и бѣдной матеріальными средствами, обучено мною шесть сыновей крестьянина, изъ которыхъ старшему было, когда онъ пришелъ учиться, 15 лѣтъ, а младшему 3 года, но по мѣрѣ того, какъ vychивались старшіе сыновья, подростали младшіе и приходили замѣнять въ школѣ своихъ старшихъ братьевъ, безъ всякаго принужденія со стороны родителей. Родители часто даже препятствовали правильному ходу нашего ученія, отвлекая дѣтей отъ классовъ для различныхъ работъ, хотя ученіе продолжалось только 3½ часа въ день. Одна женщина-вдова прямо даже запретила сыну учиться, не смотря на сильное желаніе послѣдняго; отказъ свой она послышала тѣмъ, что мальчикъ, пожалуй, умнѣе ея, неученой, будетъ и слушаться не станетъ: «что тогда съ нимъ подѣлаешь», говорила она,—отца нѣтъ въ живыхъ, а мое дѣло бабье, я не смогу его бить, такъ какъ отецъ». Были конечно у меня и противоположные примѣры: многіе отцы и матери радуются ученію дѣтей, но, къ сожалѣнію, подобныхъ примѣровъ не слишкомъ много. Большинство крестьянъ ни за, ни противъ ученія, и довольно равнодушны къ нему: «выучится мальчикъ грамотѣ—ладно; не выучится—ну, значить, не судьба, и безъ грамоты обойдется». Что сказать послѣ этого о самихъ дѣтяхъ? Знакомство мое съ крестьянскими дѣтьми убѣдило меня въ громадной способности нашего крестьянина къ умственному развитію; въ быстротѣ и смѣтливости крестьянскій мальчикъ часто даже превосходитъ дѣтей другихъ сословій; но грубая обстановка, окружающая его съ дѣтства, отсутствіе какого либо цивилизующаго вліянія въ крестьянской семьѣ, дѣлаетъ большинство крестьянскихъ дѣтей на видъ тупыми и не имѣющими повидимому понятія о самыхъ простыхъ вещахъ. Такъ мнѣ случалось часто получать весьма оригинальные отвѣты, на вопросы, даже близко касающіеся крестьянскаго мальчика; спрашивая

однажды о томъ, что такое крѣпостной своихъ бывшихъ помѣщиковъ, я не получила ни отъ одного мальчика (изъ которыхъ были 14-тилѣтніе) положительнаго отвѣта; большинство отозвалось незнаціемъ. Примѣръ подобнаго неразвитія указываетъ также баронъ Корфъ, въ свой «Начальной Школѣ»; но тамъ говорится, что вопросъ о крѣпостныхъ былъ предложенъ дѣтямъ государственныхъ крестьянъ, которые весьма естественно не могли имѣть понятія о крѣпостномъ правѣ. «Мы были прежде барскіе, отвѣчалъ мнѣ, въ другой разъ, одинъ изъ учениковъ, на вопросъ о томъ, когда и почему кончилась крѣпостная зависимость, а нынѣ стали царскіе: царь насъ за сея взялъ». Зачѣмъ? почему? спросила я, желая выяснитъ ученику основную мысль законоположенія и законодателя, но получила въ отвѣтъ: «а кто знаетъ! Такъ видно надо было». Въ «Родномъ Словѣ» Ушинскаго помѣщены вопросы «кто, что дѣлаетъ?» (страница 94). На вопросы «что дѣлаетъ земледѣлецъ, купецъ, священникъ, чиновникъ?» мнѣ приходилось слышать весьма оригинальные отвѣты; большинство-же обыкновенно отвѣчало: «а кто ихъ знаетъ, что они дѣлаютъ!» И отвѣты эти происходятъ не отъ тупости или глупости крестьянскаго мальчика, какъ многіе у насъ думаютъ, а просто отъ непривычки мыслить, думать объ окружающемъ, непривычки, какъ говорится, шевелить своими мозгами, сильно вкорепенной въ крестьянствѣ даже взрослому. Крестьянскій мальчикъ идетъ въ школу охотно, особенно, если въ школѣ пѣтъ наказаній, ученіе—чтеніе и письмо—не составляетъ для него труда; онъ привыкъ къ трудамъ несравненно болѣе тяжкимъ, чѣмъ обращеніе съ перомъ или книгой, но читать съ размышленіемъ, разсуждать о читанномъ—вотъ задача, которая долго бываетъ ему не подъ силу. Мальчики, пачинавшіе ученіе у мѣстныхъ грамотѣевъ, учившіеся по старымъ пріемамъ и псалтири, всего менѣе способны къ скорому усвоенію обученія по методамъ Ушинскаго или Корфа; чтеніе съ разсказомъ читаннаго, безпрестанные вопросы учителя имъ даже не правятся, они составляютъ себѣ особый взглядъ на грамоту, выражающійся въ умѣньи читать монотоннымъ и однообразнымъ голосомъ псалтирь и писать съ прописи, безъ отдачи отчета о написанномъ. Если предлагать ученику сельской школы вопросы болѣе или менѣе отвлеченные, вопросы о добродѣтели и порокахъ, добрѣ и злѣ—отвѣты будутъ болѣею частію отрицательные. Изъ перечисленія хорошихъ и худыхъ качествъ въ «Родномъ Словѣ» крестья-

яскими мальчиками были только поняты, без моего поясненія, три качества: злость, лѣнь и доброта. Что такое честность, милосердіе, великодушіе и проч., — никто пояснить не могъ. Къ неудобству преподаванія въ сельскихъ школахъ, нужно отнести также забывчивость учениковъ. Часто случается, что ученикъ ничего не помнитъ изъ читаннаго наканунѣ, хотя читанное было имъ понято и усвоено въ классѣ. Что ты читалъ вчера? спросишь ученика; «да вотъ что, вошь въ той красной книгѣ, вошь, что на второй полкѣ стоитъ». Но что-же именно ты читалъ въ этой книгѣ, постарайся припомнить? «Гдѣ все упомянуто, отвѣчаетъ ученикъ, кажись я сказку про медвѣдя читалъ, а хорошенько не запомнилъ».

Причины этого явленія кроются также въ непривычкѣ мыслить и ломать свою голову. Никакіе выговоры тутъ не помогутъ и единственное средство учащему противостоять этому недостатку — терпѣливо пріохочивать учениковъ къ осмысленному чтенію. Всѣ эти и тому подобныя трудности преподаванія въ сельской школѣ вполне искучаются, если учащій успѣетъ пріохотить къ чтенію, хоть нѣкоторыхъ учениковъ, два-три любознательныхъ мальчика въ школѣ, въ средѣ остальныхъ учениковъ, могутъ сдѣлать очень много, даже чуть-ли не болѣе самого учащаго. Они незамѣтно вліяютъ на всю школу, поощряя товарищей, примѣромъ, вникать въ читанное, мыслить и обращать вниманіе на слышанное отъ учащаго. Я была настолько счастлива, что имѣла всегда въ школѣ нѣсколько любознательныхъ личностей, поддерживавшихъ меня въ моихъ трудахъ и значительно вліявшихъ на остальныхъ. Ученику нравится, когда къ нему обращаешься часто съ вопросами, когда его отвѣтами стараешься пояснить остальнымъ свой вопросъ, и каждый изъ учениковъ старается стать на ту же дорогу. Такъ, напр., спрашивалъ учениковъ, какія существуютъ ремесла и виды, что большинство молчитъ, я обращаюсь къ двумъ, тремъ, болѣе развитымъ мальчикамъ, говоря: «разскажите, о какихъ ремеслахъ вы имѣете понятіе?» «Ремесла бываютъ разные, говорятъ мальчики: вотъ, напр., сапоги шьютъ — это сапожное ремесло, дома строить — это плотничье ремесло, гвозди куютъ — кузнечное». — «И обручи набивать — тоже ремесло, кричитъ уже кто-то изъ остальной молчащей толпы, и нечаянно класть — тоже ремесло» кричитъ другой, чтобы не отстать отъ товарищей, и вся молчаливая толпа дѣлается оживленной, говоритъ

вой, сѣша другъ передъ другомъ передать спрашивающему о ремеслѣ, которое ему извѣстно. Свообразны также выходятъ небольшія сочиненія учениковъ. Задавая часто писать на тему: «для чего нужна грамотность», я иногда читала, напр., слѣдующее (привожу цѣликомъ сочиненіе ученика): «читать и грамотѣ надо учиться, потому пойдешь въ городъ и купецъ найметъ въ лавку, а то и въ деревнѣ по вечерамъ будешь читать книжки». Или вотъ еще письменный отвѣтъ на вопросъ: «для чего лучше быть честнымъ»: «воровать не надо, потому грѣхъ. и купецъ изъ лавки прогонитъ; воровать не будешь — хорошее жалованье положить и на мѣстѣ приживешься».

Я привожу нарочно тѣ факты, которые болѣе характеризуютъ наше населеніе. Понятія взрослыхъ отражаются на дѣтяхъ, хотя, по счастью, во многихъ изъ этихъ дѣтей преобладаетъ еще инстинктивное отвращеніе отъ зла, господствующаго въ средѣ взрослыхъ. Конечно увлекаться этимъ невозможно и большинство, вырастая, будетъ еще долго повтореніемъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, но мнѣ случалось слышать отъ многихъ крестьянскихъ мальчиковъ 12, 13 и 14 лѣтъ жалобы на пьянство, развивающееся въ крестьянской средѣ, на безчеловѣчное обращеніе съ женщиной, на равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и проч. Такъ немного нужно, чтобы развить понятія крестьянскаго мальчика, если говорить съ нимъ, приучать читать осмысленно и думать о читаемомъ. При устройствѣ въ Оленинѣ училища, я задала ученикамъ темой для сочиненія: «соглашаться ли мужикамъ на устройство училища въ селѣ или нѣтъ». Всѣ ученики написали, что нужно устроить училище, а одинъ написалъ даже слѣдующее: «училище можно въ селѣ сдѣлать, нужно каждому мужику платить по 10 к. съ души, будетъ съ волости рублей 100 и нанять на нихъ учителя; въ правленьи, въ комнатѣ, онъ учить будетъ. Чѣмъ въ кабакъ нести деньги 10 к., лучше на училище дать; въ годъ у мужика больше денегъ въ кабаки выйдетъ, а ребята не учатся. Мужики бають: мы за чужихъ дѣтей платить не будемъ, всякъ плати за своего, а эдакъ николи не выучишься; иному мужику нечѣмъ платить за ученье, а ребята хотятъ учиться. Тутъ, коли царь велитъ платить на училище, всякій заплатитъ и всякій въ училищѣ учиться будетъ. Де-

сать копеекъ въ годъ не велики деньги». Вотъ прокътъ училища, составленный крестьянскимъ мальчикомъ: въ простотѣ души онъ предполагаетъ, что о каждомъ вновь открываемомъ училищѣ доводить до свѣдѣнія царя, который одинъ можетъ приказать открыть училище.

Замѣчательно также, что во все время моего ученія, раздавая каждому изъ учениковъ книги для чтенія дома, я оставляла ихъ у дѣтей, даже по отъѣздѣ моемъ въ городъ, и у меня не пропало ни одной книги. Мальчики считаютъ училищное достояніе какъ-бы своимъ общимъ достояніемъ и заботятся о сохраненіи его, какъ о сохраненіи своей собственности. Часто, забывъ о какой-нибудь книгѣ, оставшейся у мальчика, переставшаго учиться, мнѣ приходилось слышать отъ учениковъ напоминанье, что «вотъ-моля у Ванюшки или Петрушки осталась еще училищная книжка; надобно сходить взять ее». И дѣйствительно, получивъ на то мое разрѣшеніе, училищники (такъ зовутъ моихъ учениковъ) отправлялись за книжкой, которую возвращали безпрекословно. Правда, что книги наши не отличаются опрятностью, по возможно-ли и пѣнять на то, когда они побываютъ въ 20 немытыхъ рукахъ, повалаются даже и въ кузницѣ, гдѣ однажды, къ общему горю, сторѣла цѣлая страница изъ книги «Родное Слово». Книга съ сожженной страницей послужила для учениковъ долгой темой для ссоръ и выговоровъ учениковъ товарищамъ, допустившимъ такое несчастіе съ училищной книжкой.

Преподаваніе чтенія ведется у меня, въ настоящее время, по учебникамъ Ушинскаго, Паульсона и Корфа. Въ первый годъ ученія читается въ классѣ «Родное Слово» Ушинскаго, годъ 1, и «Первая учебная книга» Паульсона; во второй годъ ученія — «Родное Слово», 2 годъ, и «Книга для Чтенія» Паульсона, въ третій годъ — «Нашъ Другъ» Корфа и «Книга для чтенія въ народныхъ школахъ» Водовозова. Изъ «Книги для Чтенія» Паульсона читаются только статьи, касающіяся крестьянскаго быта и басни. По закону божію за обученіемъ моимъ слѣдилъ священникъ села Оленина; я ограничивалась однако только обученіемъ дѣтей главнѣйшимъ молитвамъ, заповѣдямъ и чтенію (съ разсказомъ читаннаго) священной исторіи, по учебникамъ Базарова и Афинскаго. Арифметика — самое любимое занятіе моихъ учениковъ. Счисленіемъ мы занимаемся умственно, письменно, на доскѣ и на счетахъ, по учебнику Гурьева «Практи-

ческая Арифметика». Для чтенія на домъ ученики берутъ, у меня различныя книги изданія «Общества распространенія полезныхъ книгъ», товариществъ «Общественная Польза» и книги, рекомендованныя комитетомъ грамотности, по ежегодно издаваемому имъ каталогу.

Преподаваніе въ оленинскомъ училищѣ началось недавно, а потому сказать о немъ можно только то, что обученіе чтенію начато по звуковому методу, училище раздѣлено на два отдѣленія, въ первомъ—не умѣющіе читать, во второмъ—читающіе и пишущіе. Пріемъ учениковъ установленъ однажды въ годъ, а именно: къ 1 октября, затѣмъ всѣмъ желающимъ отказывается впредь до слѣдующаго года. Полный курсъ въ училищѣ опредѣленъ въ 3 года.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, число взрослыхъ грамотныхъ въ волости невелико; по деревнямъ оно распредѣляется такимъ образомъ: въ Банинковѣ 20 человекъ, въ селѣ Оленинѣ 21, въ Охотинѣ 7, въ Орикинѣ 13, въ Сысоевѣ 10; дѣвушекъ грамотныхъ только двѣ: одна—моя бывшая ученица, дѣвушка лѣтъ 17, въ деревнѣ Полянѣ, другая—въ Сысоевѣ, дочь грамотнаго крестьянина, бравшаго на выучку крестьянскихъ дѣтей своей деревни. Дѣвочки отдають учиться неохотно, говоря, что «бабѣ грамота не нужна: за стряпней, да за домашней работою всю грамоту перезабудеть». За то, если дѣвочка растеть болѣзненно или обладаетъ какимъ либо физическимъ недостаткомъ, родители, наоборотъ, стараются обучить ее грамотѣ: «вѣдь она у насъ не замужняя, говорятъ они, куда ей идти замужъ, пусть лучше божье слово натверживаетъ». Карьера подобной дѣвушки должна состоять, по мнѣнію родителей, въ одинокой жизни въ семьѣ, гдѣ она будетъ существовать посредствомъ чтенія псалтири надъ умершими и больными. Всѣ, обучавшіяся у меня, дѣвочки имѣли какіе-либо физическіе недостатки: одна была горбатая, другая постоянно страдала глазами болѣзнями, а третья, совершенно увѣчная, хромая, учится у меня и понынѣ.

Невѣжество и суевѣрія сильно распространены между женскимъ населеніемъ нашей волости; часто случается, что крестьянка не считаетъ большимъ грѣхомъ унести у сосѣдки, такой-же бѣдной, какъ она сама, мотушку нитокъ или пукъ льна, но въ тоже время считаетъ чуть не смертнымъ грѣхомъ ѣсть яблоки до 6 августа (перваго Спаса, какъ говорятъ въ деревнѣ), даже грызть сѣмена

подсолнечника, стричь волосы и тому подобное. У женщинъ крестьянокъ есть свой особый кодексъ нравственности, извѣстный въ деревняхъ подъ названіемъ *заповѣдей*; заповѣди эти трудно найти въ какой либо книгѣ, они передаются изустно отъ бабокъ внучкамъ и теперь имѣютъ значеніе исключительно для женскаго населенія; молодое поколѣніе крестьянъ относится къ нимъ уже иронически. Въ числѣ этихъ заповѣдей существуетъ также запрещеніе прививать дѣтямъ оспу, но мужское населеніе счумѣло противостать ему и принимаетъ, даже помимо земства, оспопрививателя изъ сосѣдственной волости нижегородскаго уѣзда, уплачивая ежегодно по 3 р. съ человѣка муж. пола, что составляетъ со всей волости до 40 р. въ годъ.

Бъ медицинской помощи крестьяне нашей волости издавна привыкли и лечиться любить. При крѣпостномъ правѣ помѣщики нашей мѣстности, живя по деревнямъ, приучали крестьянъ къ леченію, пользуя ихъ въ болѣзняхъ домашними средствами. Въ Баниковѣ, въ 20-ыхъ годахъ, имѣлась правильно организованная аптека съ фельдшеромъ, изъ дворовыхъ людей. Аптека эта была устроена дѣдомъ моимъ, бывшимъ въ то время вольнымъ слушателемъ медицинскаго факультета московскаго университета; онъ пользовалъ безвозмездно крестьянъ всѣхъ окружающихъ деревень и, какъ говорить преданіе, число лечившихся, даже въ то время, было весьма значительно. Въ Шумиловѣ одна изъ помѣщицъ, А. И. Литомбина, пользовала крестьянъ домашними средствами до 50-ыхъ годовъ и память о ней еще доселѣ живетъ въ народѣ. До 1872 года медицинская помощь въ оленипской волости сосредоточивалась въ подобныхъ-же, хотя и желающихъ пользы, но малоопытныхъ въ медицинѣ, рукахъ. Крестьяне, по старой памяти, обращались за помощью въ помѣщичьи дома Баникова и Шумилова, пока земство не обратило вниманія на отдаленность нашей волости отъ Горбатова (40 верстъ), мѣста правильной медицинской помощи для нашего санитарнаго участка, и не прислало въ Богородское лекарскаго помощника, обязаннаго заниматься леченіемъ больныхъ оленипской волости, въ числѣ прочихъ. Крестьяне обращаются охотно къ лекарскому помощнику, хоть не забываютъ и прежняго способа леченія; село Богородское отстоитъ отъ селеній нашей волости на 7, на 8 и на 10 верстъ. Средства леченія, получаемыя крестьянами изъ помѣщичьихъ домовъ, принадлежать, большею частію, къ до-

машинъ, безвреднымъ веществамъ; лекарства эти — горчичники и липовый цвѣтъ, ромашка, настой аришки отъ порѣзовъ и т. п.; по помощи этихъ средствъ крестьяне лечились и лечатся еще собственными своими средствами, обращаясь къ знахарямъ и знахаркамъ. Тутъ являются на сцену опять суевѣрія женскаго населенія. Между крестьянами сильно развита золотуха; опухоли, часто появляющіяся, какъ слѣдствіе золотушнаго расположенія, принимаются крестьянами и преимущественно крестьянками, за признаки порчи, и вотъ въ такомъ случаѣ больного не поведутъ ни къ лекарю, ни въ помѣшничій домъ, а отправятъ прямо къ знахарю. Знахарь беретъ чайку огуречнаго рассолу, прибавляетъ къ нему ложку меду, и помѣшивая восковой свѣчей отъ образа, нашептываетъ наговоръ, послѣ чего даетъ выпить больному всю пропорцію или часть ея. За трудъ свой онъ получаетъ, по уговору, отъ 1 рубля и дороже, а иногда просто выпрашиваетъ штофъ или полштофа вина. Если больной почувствуетъ облегченіе искорѣ послѣ заговора — значить онъ былъ испорченъ и наговоръ подѣйствовалъ; въ противномъ-же случаѣ бесполезность наговора приписывается тому, что болѣзнь произошла не отъ порчи, а отъ какой-либо иной причины и больного отправляютъ, за совѣтомъ, къ помѣщикамъ, или къ лекарю. Къ числу средствъ, которыми крестьяне часто злоупотребляютъ, лечась самовольно, безъ совѣтовъ мѣстныхъ лекарей, принадлежатъ вредные составы изъ сулемы, ртути, окуриванье киноварью и употребленіе такъ называемой *дорогой травы* (*rad. sassaparillae*); но существуютъ въ числѣ народныхъ лекарствъ и совершенно безвредныя, какъ-то: употребленіе звѣробоя, въ видѣ чая, отъ простуды, душицы — отъ удушья, прикладыванье травы придорожника къ язвамъ и травы тысячелистника, какъ средства отъ порѣзовъ^{*)}. Польза горчичниковъ, въ некоторыхъ болѣзняхъ, дознана крестьянами нашей мѣстности на столько, что они часто обращаются въ помѣшичьи дома, съ просьбами сдѣлать горчичникъ больному и напрасны бываютъ совѣты и доказательства бесполезности этого средства при иныхъ болѣзняхъ, или совѣтъ употреблять, вмѣсто горчицы, тертый хрѣнъ, имѣющійся въ огородѣ каждаго крестьянина. Между крестьянами сильно развито убѣжденіе, что только аптечныя лекар-

^{*)} Придорожникъ, подорожникъ — *Plantago media*; тысячелистникъ — *Achillea millefolium*; душица — *Origanum vulgare*.

ства, приготовленные не изъ веществъ, находящихся у всѣхъ подъ руками, дѣйствительно полезны. Если сказать крестьянкѣ, чтобы она употребляла примочки холодной воды, въ случаѣ головокруженія или т. п., то можно быть увѣреннымъ, что она, не только не поладитъ этому совѣту, но даже не захочетъ и пробовать, а отправится отъ васъ же, къ кому-либо изъ лечащихъ по деревнямъ, и станетъ ходить отъ одного мѣстнаго лекаря къ другому, пока не получитъ какую-либо мазь, спускъ или пластырь, т. е. составное лекарство, приготовленное изъ неизвѣстныхъ ей веществъ.

Въ отношеніи здоровья жители оленинской волости похвалиться не могутъ. Года три-четыре, а именно въ 1865, 66, 67 и 68 годахъ постоянно почти свирѣцтовала въ нашей мѣстности тифозная горячка, особенно осенью. Правда, что число умиравшихъ не было столь велико, какъ число заболѣвавшихъ (въ особенности, если принять во вниманіе недостатокъ правильной медицинской помощи, въ то время, въ нашей волости), но все-таки горячка унесла не мало жертвъ. По метрикамъ видно, что въ нашемъ оленинскомъ приходѣ, состоящемъ изъ деревень Сысоевки, Кожевина, Орникаина, Охотина, Банникова и частию Поляны, также села Оленина (всего 900 чел. жителей), умерло въ 1865 году 111, въ 1866—108, въ 1867—107, въ 1868—70 чел. Число заболѣвавшихъ было въ пять разъ болѣе; рѣдкая семья избѣгла эпидеміи. Лечились крестьяне слѣдующими средствами: отъ головной боли употребляли примочки къ головѣ изъ укуса, горчичные катаплазмы къ шеѣ и питье настоя малины съ селитрой (на 1 чашку малиноваго настоя или чаю чайную ложку селитры). Употребленіе этихъ средствъ оказывало большую пользу и много больныхъ выздоравливало, не употребляя никакихъ иныхъ лекарствъ, кромѣ вышесказанныхъ. Но не всѣ семейства употребляли и эти средства: весьма многіе не лечились вовсе, иные—по небрежности, иные—по распространившемуся въ это время убѣжденію, что горячка, если больной не простудится снова, можетъ пройти безъ лекарствъ; часто, запустивъ болѣзнь, крестьяне начинали обращаться къ помощи лекарей, когда больные были при смерти и никакія лекарства ужъ не помогали. Въ послѣдніе годы, 1870, 71 и 72, волость наша начала нѣсколько отдыхать, въ отношеніи эпидемій. Холера 1871 года миновала насъ; зима и весна 1872 г. были одни изъ самыхъ благопріятныхъ для здоровья, такъ что, по словамъ мѣстнаго священника, число

умершихъ въ 1872 году менѣе, чѣмъ во всѣ прежніе годы. Сколько бы ни запомнить, ни одна весна, въ продолженіи его 30-тилѣтняго служенія въ нашемъ приходѣ, не была такъ хороша для здоровья жителей оленинской волости, какъ весна 1872 года.

IV.

Народные обряды при похоронахъ, крестинахъ и свадьбахъ.

Народные обряды при похоронахъ и крестинахъ весьма одноподобны. При похоронахъ даже не бываетъ никакихъ особенныхъ обрядовъ, кромѣ церковнаго поминовенія. Умершаго кладутъ обыкновенно на лавку, въ передній уголъ, подъ иконы, передъ которыми теплится лампада или свѣчка. Большинство умершихъ изъ крестьянъ, какъ бѣдныхъ, такъ и зажиточныхъ, одѣваютъ въ саванъ, подъ которымъ оставляютъ на умершемъ или умершей одну ветхую носильную одежду или холщевую рубашу, нарочно сшитую наскоро, передъ похоронами, а если умершій — старикъ, то заранее имъ заготовленную на случай смерти. Похороны бываютъ обыкновенно на другой день послѣ кончины, или черезъ сутки^{*)}. Въ селѣ Оленинѣ надъ покойниками читается псалтирь, но въ сосѣднихъ деревняхъ чтеніе надъ умершими бываетъ рѣдко, особенно въ рабочую пору года. Послѣ похоронъ, какъ у зажиточныхъ крестьянъ, такъ и у самыхъ бѣдныхъ, бываетъ похоронный обѣдъ или поминки. На поминки сзываютъ всегда сиротъ и вдовъ, которымъ раздаютъ также милостыню, состоящую изъ чего-либо съѣстного, т. е. пироговъ, блиновъ, пшеничнаго хлѣба и т. п. На похоронныхъ обѣдахъ бываютъ также неизбежныя водка, кисель и блины. Если умершій былъ домохозяинъ или старикъ, всѣ деревенскіе обыватели провожаютъ обыкновенно его тѣло за околицу деревни, а иные идутъ даже до церкви, словомъ похороны бываютъ парадныя; но далеко не съ такой торжественностью сопровождаются похороны

^{*)} Часто въ нижегородскомъ Поволжьи, какъ это мы сами имѣли не разъ случай убѣдиться, хоронятъ покойниковъ и въ самый день смерти; такъ еще недавно, остановившись въ одной изъ нихъ на почтѣ, и услышавъ запахъ ладана, мы спросили о причинахъ этого и узнали, что часа за 4 до нашего пріѣзда похоронили хозяина избы, умершаго въ тотъ-же день утромъ, на зарѣ. Можно себѣ представить, каково должно быть въ нашихъ деревняхъ число случаевъ зарыванія въ землю много умершихъ, если припомнимъ, что по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ Нью-Йоркѣ (тамъ не хоронятъ покойниковъ въ теченіи 8 дней со дня смерти) на 200 умершихъ, среднимъ числомъ, обиваетъ 1, т. е. 1/2 % всего числа умирающихъ. — *Ред.*

женщинъ, молодыхъ людей и тѣмъ болѣе дѣтей; похороны послѣднихъ проходить совсѣмъ незамѣтно, а за первымъ изрѣдка слѣдуетъ семья, да толпа крестьянскихъ ребятишекъ, неизбѣжныхъ спутниковъ всѣхъ деревенскихъ церемоній, какъ веселыхъ, такъ и печальныхъ.

Крестины имѣютъ нѣкоторую торжественность только въ томъ случаѣ, когда въ домѣ является первый новорожденный у хозяина или старшаго въ семьѣ, въ особенности сынъ, а также если семья невелика и живетъ достаточно. Въ большихъ семьяхъ, гдѣ много взрослыхъ женатыхъ сыновей, явленіе въ міръ новаго члена семьи составляетъ столь обыкновенное событіе, что проходитъ безъ особенныхъ празднествъ и почти незамѣтно. Въ селѣ Оленинѣ и ближнихъ къ нему селеніяхъ ребенка приносятъ крестить въ церковь; въ дальнихъ—въ Банинѣ, Охотинѣ и Полянѣ, крестятъ въ домахъ, когда священникъ пріѣзжаетъ давать молитву родильницѣ. По окончаніи крестинъ, кумъ и кума приглашаются въ обѣду, за которымъ бабушка новорожденного или какая-либо сосѣдка-старуха, исполнявшая обязанность акушерки, обходитъ гостей съ блюдекомъ и кашей, подчюя кума и куму, а они, въ свою очередь, должны благодарить и положить на блюдо деньги бабушкѣ. Приношенія бываютъ, смотря по достатку, но рѣдко превышаютъ 5, 10, 15 коп. Гости, присутствующіе на крестинахъ, тоже даютъ бабушкѣ, кто сколько можетъ. Кума даритъ всегда родильницѣ такъ называемыя *ризки*, а младенцу рубашку и поясъ; кумъ даетъ новорожденному крестъ. Ризки состоятъ, чаще всего, изъ одного или двухъ аршинъ холста, изрѣдка изъ 2, 3 аршинъ ситцу, на рукава. Рубашка крестнику дается домотканная или ситцевая. Кума платитъ иногда за крестины; плата эта не превышаетъ 30 коп. Въ семьяхъ, гдѣ крестины бываютъ рѣдко, а также и въ тѣхъ, гдѣ семья живетъ очень бѣдно и не можетъ надѣяться найти куму или кума (къ бѣднымъ посторонніе всегда идутъ неохотно), обязанность эта исполняется обыкновенно членами той-же семьи, старшими братьями и сестрами новорожденного, дядьми или тетками его; тогда не соблюдается и обычай, въ отношеніи подарковъ родильницѣ и новорожденному, по русской пословицѣ: «свои люди—сочтемся».

Другое дѣло—свадьбы. Это единственный случай въ жизни крестьянина, на который онъ считаетъ необходимымъ расходовать весь свой запасный капиталъ, а чаще всего, для котораго онъ вхо-

дять въ долги. Свадьбы въ нашей волости сопровождаются многочисленными пирами и вслѣдствіе дороговизны содержанія (привозин — мяса, хлѣба и вина — на свадьбахъ истребляется громадное количество) самую бѣдную свадьбу едва можно сдѣлать на 70 рублей *). Свадьбамъ предшествуютъ долги предварительныя совѣщанія и толки торговаго свойства между родными жениха и невесты. Цѣлью совѣщаній бывають обыкновенно деньги и приданое, которое дается здѣсь женихомъ невестѣ; это нѣчто въ родѣ древняго выкупа или покупки невесты. Эти совѣщанія идутъ обыкновенно слѣдующимъ чередомъ: сначала родственницы жениха, иногда даже мать его, отправляются свахами въ домъ невесты. Если дѣвушка, которую свахи имѣють въ виду, живетъ въ сосѣдней деревнѣ, то предложомъ посѣщенія семьи избирается просьба дать напитокъ воды или позволеніе войти въ избу отдохнуть. Войдя въ избу, свахи садятся подъ матицу и начинаютъ разспрашивать хозяйку дома о разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Переговоривъ довольно о пряжѣ, урожаѣ льна и проч., свахи прямо предлагаютъ вопросы: «а что, много-ли у тебя дочекъ; велика-ли семья-то; чай, старшую пора за-мужъ выдавать?» и получивъ утвердительный отвѣтъ, приступаютъ къ сватовству; хвалятъ жениха, говоря, что онъ парень тихій, смирный, вина въ ротъ не беретъ, домъ зажиточный, живутъ исправно, хлѣба и всего вдоволь. Если хозяйка, знающая отлично, кто такія ея гости и съ какою цѣлью они пришли въ ней (рѣдкая баба не знаетъ всего, что дѣлается въ окружныхъ деревняхъ, а главное, не имѣетъ понятія о хорошихъ и худыхъ качествахъ окрестныхъ жениховъ), желаетъ породниться съ семьей, о которой идетъ рѣчь, то она посылаетъ за дочерью въ посидѣлки, гдѣ дѣвушки проводятъ зимнее время, чтобы показать ее свахамъ; въ противномъ-же случаѣ дается прямой отвѣтъ, что «моя дочь моя еще молода» или что «дѣвка еще намъ самимъ нужна, — изъ-за нее не работницу нанимать», и сватовство тѣмъ оканчивается. Если-же дѣвушка покажется свахамъ — для нихъ это знакъ добрый —

*) Въ деревнѣ Банниковѣ, въ мѣсяцѣ 1872 года, одинъ крестьянинъ отдавалъ дочь въ замужество, затративъ, по слову его, на одно угощеніе, виномъ и обѣдомъ, молодыхъ съ родней — 60 рублей, но большинство осталось недовольно его угощеніемъ: свадьба этаго крестьянина считается весьма бѣдной, въ сравненіи съ другими, бывшими въ той-же деревнѣ.

сватовство, значить, не отвергается. Посмотрѣвъ на дѣвушку, которую мать вызываетъ какъ будто-бы для какой нибудь домашней работы—принести воды, убрать въ избѣ и т. п., свахи возвращаются домой, пригласивъ мать невѣсты придти посмотрѣть житье-бытье жениха. Черезъ нѣсколько дней мать невѣсты, съ какой нибудь родственницей, сестрой, снохой или теткой, идетъ смотрѣть домъ жениха; они обходятъ безъ церемоніи избу, клѣти, амбаръ, въ которомъ смотрятъ, сколько запасено хлѣба. Бываютъ случаи, что показываютъ чужіе амбары, выдавая ихъ за свои. Входя въ избу, свахи со стороны невѣсты говорятъ: «здравствуйте сваханьки, мы вамъ свой товаръ показали, не оставьте и насъ: показывайте намъ теперь и вашъ». Если женихъ дома, онъ также выходитъ къ свахамъ и подкуетъ ихъ виномъ, пирогами, блинами, ячницей, а которыя не пьютъ вина—чаемъ. Если родня жениха имѣетъ сильное желаніе сосватать невѣсту, то на этотъ разъ угощеніе свахамъ бываетъ не малое; отъ него часто зависитъ согласіе или отказъ, потому что и послѣ осмотра дома жениха многія свадьбы разстраиваются, если свахамъ не понравится женихъ и домъ его. Уходя отъ жениха, они также высказываютъ свое желаніе продолжать сватовство или прекратить его; въ первомъ случаѣ они приглашаютъ жениха съ родней посѣтить ихъ, во второмъ приглашеній этихъ не бываетъ. Если-же сватовство ладится, то дня черезъ два или три, послѣ смотринъ дома, женихъ, со всей родней, отправляется къ невѣстѣ. Войдя въ избу, сваты, помолившись на иконы, садятся за приготовленный для нихъ заранѣ столъ, говоря хозяйкамъ: «ну, вотъ, сваханьки, мы ваше приглашеніе исполнили, привезли вамъ свой товаръ, а вы намъ свой покажите». Невѣста, принарядившись по этому случаю, выходитъ къ гостямъ, а женихъ спрашиваетъ ее объ имени и отцѣствѣ, большею частію, въ такихъ выраженіяхъ: «позвольте узнать, какъ васъ величаютъ?» Невѣста говоритъ свое имя и въ свою очередь спрашиваетъ жениха объ его имени и отцѣствѣ. Этотъ обычай, существующій издавна, когда еще смотрины были часто первымъ свиданіемъ жениха и невѣсты, соблюдается и понынѣ, хотя большинство молодежи знаетъ въ окрестности всѣхъ своихъ будущихъ суженыхъ, посѣщая по зимамъ посидѣлки, а лѣтомъ гулянье въ лугахъ, гдѣ можно видѣть всѣхъ невѣстъ и жениховъ окружающихъ деревень.

Послѣ обмѣна различныхъ привѣтствій между свахами и сва-

тами, начинаются угощенія. Послѣ уничтоженія нѣсколькихъ десятковъ блиновъ, пироговъ, мясной или рыбной похлебки, яичницы, каши, водки и чаю, сваты уходятъ съ женихомъ для совѣщаній, говоря: «благодаримъ покорно, сваханьки, за угощенье; намъ нужно и о дорогѣ подумать; не задерживайте насъ, покорно просимъ». Распростившись съ хозяевами такимъ образомъ, сваты уходятъ изъ избы, но часто по выходѣ только въ сѣни, начинаютъ спрашивать жениха, нравится-ли невѣста и вести-ли окончательные переговоры; если же согласіе жениха давно извѣстно, то сваты совѣщаются о томъ, сколько дать денегъ за невѣсту или *на столъ*, какъ говорится. Рѣшивши, приблизительно, какъ вести торгъ, свать, отецъ или дядя жениха, возвращается въ избы и входитъ, говоря: «устали, утомились, дай-ка, сваханька, на дорогу испить»; хозяйка наливаетъ водки или квасу, а свать, обращаясь къ хозяину, продолжаетъ: «ну, что же, сватьюшка, кончатъ что-ли дѣло-то?» — «Кончайте, пожалуй, отвѣчаетъ отецъ невѣсты, прикидываясь равнодушнымъ, много-ли на столъ положите?» — «Рублей 15 дадимъ», говоритъ свать. «И полно, сватьюшка, какъ можно эдакую цѣну, да мнѣ за старшую положили 20 цѣлковыхъ; тогда времена были еще другія; нонѣ годъ отъ году все дороже; нѣтъ, 15 невозможно». — «Ну шубу еще суконную дадимъ», говоритъ свать. «Да что мнѣ въ вашей шубѣ! У ней своя есть, нѣтъ, и на то не пойдемъ», возражаетъ отецъ невѣсты, и разговоръ принимаетъ настоящій характеръ торга. Отецъ невѣсты выторговываетъ деньги на столъ, т. е. сумму, изъ которой дѣлаютъ невѣстѣ приданое, покупаютъ хорошій сарафанъ, платокъ, пальто на ватѣ или шубу; часть этихъ же денегъ должна идти на вино и на угощенія. Свать старается отставать интересы жениха и уменьшаетъ сумму, даваемую на столъ; но ежели уговоры ни къ чему не служатъ, то, давая требуемая деньги, онъ выторговываетъ, въ свою очередь, чтобы невѣста принесла въ приданое хорошую одежду, теплую обувь, шубу и приготовила 3 или 4 рубахи жениху. Вообще всѣ сваты, съ этою цѣлью, смотрятъ даже работу невѣсты, чтобы узнать приготовлены-ли у нея рубашки будущему мужу; каждая дѣвушка, готовя себѣ приданое, оставляетъ кусокъ или два домотканнаго холста или пестряди, для этихъ рубахъ. Сумма, даваемая на столъ, бываетъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: 15, 20, 30, 35 рублей; кроме того невѣстѣ шьютъ, по уговору, шубу, пальто и подусапожки,

какъ-бы въ подарокъ отъ жениха, или покупають ей шолковый платокъ и шерстяной сарафанъ; все это дается иногда сверхъ платы на столъ, которая употребляется тогда всецѣло на различныя свадебныя угощенія. По окончаніи переговоровъ о деньгахъ на столъ, сваты молятся на иконы, передъ которыми хозяйка зажигаетъ свѣчу, и подають другъ другу руки. Послѣ этого торжественнаго обѣщанія или *рукобитія*, свадьба разстроиться, по мнѣнію крестьянъ, никогда не можетъ; иначе грѣхъ будетъ великій, и та сторона, которая рѣшилась-бы на разрывъ, непременно-бы навлечь на себя божье наказаніе и неудовольствіе отъ всѣхъ знакомыхъ и родныхъ. Свадьбу назначаютъ черезъ подѣлю или черезъ двѣ послѣ рукобитія. Все это время посвящается семьей жениха на безконечную стриптию и угощенія родныхъ невѣсты, а семьей невѣсты — на шитье различныхъ нарядовъ. Угощенія, въ семьѣ жениха, начинаются съ того, что подружки невѣсты приходятъ къ жениху за пивомъ; онъ долженъ угощать ихъ не только пивомъ, но и чаемъ, блинами, кашей, личицей, пряниками, орѣхами, бѣлымъ и краснымъ виномъ^{*)}. Какъ-бы нибыли ограничены матеріальныя средства жениха, подружки невѣсты не пропустятъ случая пошарить и приходятъ къ женихамъ своихъ подружекъ, въ количествѣ 10, 15 и 20 дѣвицъ. Послѣ перваго подобнаго посѣщенія являются къ жениху золовки невѣсты, жены ея братьевъ или опять свахи съ сватыми, тоже въ количествѣ 6—7 человекъ, за рубашкой жениха. Цѣль всѣхъ этихъ посѣщеній — угощеніе; но чтобы прикрыть ее, народный обычай ввелъ посѣщенія жениха родней невѣсты подъ различными предлогами. Для того, чтобы взять рубашку жениха, по которой невѣста должна изготovitъ ему новыя рубахи къ свадьбѣ, является шесть-семь посѣтителей, которыхъ угощаютъ виномъ, пивомъ, обѣдомъ, состоящимъ изъ двухъ-трехъ кушаньевъ; пройдетъ день, другой — снова приходитъ къ жениху подружки невѣсты, просить мыла невѣстѣ и наступаютъ опять угощенія. Дня за три до свадьбы родные жениха ѣдутъ на базаръ, покупать невѣстѣ различныя вещи, слѣдующія по уговору, причемъ, по обычаю, родные невѣсты требуютъ отъ родныхъ жениха такъ называемыхъ *могарычей* или угощенія виномъ. Это угощеніе носить названіе *противанья невѣ-*

*) Распространеніе кабаковъ, къ социальнѣму, повело въ нашей мѣстности къ распространенію пьянства даже между женщинами и дѣвушками; рѣдкая изъ послѣднихъ не пьетъ бѣлаго и краснаго вина, и многія — даже водку.

сты. Впродолженіи всей недѣли подружки невѣсты шьютъ ей приданое, находясь постоянно въ ея избѣ, а женихъ, посѣщая невѣсту, долженъ приносить имъ угощенія—пряники, орѣхи и даже конфеты. Обычаи эти соблюдаются даже въ самыхъ бѣдныхъ семьяхъ, изъ страха подвергнуться дасмѣшкѣ и нареканіямъ, хотя семьи входятъ часто поэтому въ неоплатные долги. Наканунѣ свадьбы расходы по угощенію наступаютъ наконецъ для семьи невѣсты. Какъ-бы въ оплату за все предшествующія пиршества, семья невѣсты дѣлаетъ *дѣвичникъ*, на которомъ присутствуетъ, кромѣ подружекъ невѣсты и товарищей жениха, вся родня невѣсты и жениха. Дѣвушки и молодые пары поютъ пѣсни, играютъ въ разныя игры, но женихъ и невѣста не принимаютъ въ нихъ участія, сидя молча за столомъ, на первомъ мѣстѣ, подъ иконами. Пока молодое поколѣніе веселится, высматривая, въ свою очередь, обоюднo жениховъ и невѣстъ, старое поколѣніе предается необузданному пьянству, часто ведущему къ ссорамъ, драбуйству и дракамъ. Дѣвичники оканчиваются часа въ 3—4 по-полуночи. Въ день свадьбы жениха сопровождаетъ поѣздъ, направляющийся весьма рано, часовъ въ 9 утра, къ невѣстѣ и состоящій изъ весьма многочисленныхъ родныхъ, ближнихъ и дальнихъ. Женихъ съ дружкой и свахой (своей замужней сестрой или золовкой) входитъ въ сѣни, которыя замыкаютъ изнутри подружки невѣсты; сваха и дружка жениха должны покупать право за входъ. Начинается торгъ. Торгъ ведется подругами невѣсты; дѣвушки просятъ 30, 20, 15 коп., но часто удовлетворяются 6 и 5 коп. По входѣ въ избу—та-же исторія: женихъ долженъ купить мѣсто на снѣмѣ, подъ иконами, близъ невѣсты; здѣсь требуетъ платы за мѣсто сваха невѣсты; торгъ сопровождается различными шутками и остротами съ обѣихъ сторонъ и неизбѣжнымъ соглашеніемъ на 15, 20 и 25 коп. Между тѣмъ невѣсту одѣваютъ къ вѣнцу (за перегородкой, въ той-же избѣ) одѣтъ свахи; сваха жениха одѣваетъ ее въ нарядѣ, привезенный отъ жениха, а мать невѣсты благословляетъ образомъ, покрываетъ ей голову большимъ платкомъ, такъ, чтобы лица не было видно и одѣтую такимъ образомъ вводитъ въ избу, гдѣ сажаетъ рядомъ съ женихомъ, подъ иконы. Толпа дѣвицъ, подружекъ невѣсты, впродолженіи всей церемоніи, поетъ пѣсни безъ умолку, даже во время благословенія невѣсты. Поѣзжане, сваты и родня жениха садятся за столъ, вокругъ жениха и невѣсты, они начи-

нается угощеніе въ родѣ завтрака; появляется необходимая водка, закуска изъ яичницы и пирогови. Невѣсты и женихъ въ угощеніяхъ не принимаютъ участія. Позакусивши и выпивши значительно сааты и поѣзжане отправляются сопровождать повобрачныхъ въ церковь, причемъ женихъ ѣдетъ съ дружкой, а невѣста со свахой и жениха. Передъ выходомъ изъ дому снова идетъ торгъ: по други невѣсты не отдають ее приданого безъ выкупа, и сваха жениха платитъ имъ за сундукъ невѣсты отъ 5 до 20 коп. Тутъ бываетъ не мало смѣху, хохоту, шутокъ и остроумствъ обѣихъ сторонъ; свахи обыкновенно доказываютъ дѣвушкамъ, что имъ платитъ за приданое не столько, сколько за сундукъ-то у васъ пустой, кричить сваха: да вы еще шить-то умѣете-ли? Дѣвушки утверждаютъ противное, говоря, что и сундукъ-то полонъ и шьютъ-то они лучше самой свахи. Дѣло кончается обоюднымъ согласіемъ и поѣздъ съ женихомъ, невѣстой, поѣзжанами и подводой, на которой везутъ приданое, трогается. Но это еще не конецъ церемоній; вокругъ поѣзда обносятся три раза икону Михаила Архангела, которому вѣрують, какъ хранителю поѣзда и молодыхъ отъ порчи лихого человѣка. Ничего такъ сильно не боятся крестьяне на свадьбахъ, какъ порчи молодыхъ; для предохраненія отъ этого зла избирается еще одинъ весьма странный способъ, а именно: весь полъ избы жениха, гдѣ происходитъ свадебный пиръ, покрывается соломой или сѣномъ, которое, тотчасъ по уходѣ гостей, выбрасывается далеко отъ двора. Дѣло въ томъ, что порча, по мнѣнію крестьянъ, можетъ произойти отъ нашептыванія или наговора колдуна, по наговоръ, произнесенный въ избы или надъ такимъ веществомъ, которое можетъ быть выметено и вынесено изъ дому, не будетъ имѣть такой силы, какъ если-бы онъ остался въ избѣ. Выбидывай соломѣ, крестьянинъ вѣритъ, что съ ней онъ развѣвается по вѣтру колдовство сѣмѣда или гостя, пожелавшаго зла молодымъ. По окончаніи вѣнчанія поѣздъ возвращается въ домъ жениха. При входѣ молодыхъ встрѣчаетъ крестный отецъ жениха, съ образомъ, и крестная мать, съ хлѣбомъ и солью. Поѣзжане идутъ за молодыми въ избу, сначала пють чай съ виномъ, потомъ обѣдаютъ. Послѣ перваго обѣда, вскорѣ наступаетъ второй обѣдъ—для родныхъ невѣсты, которые въ церкви не бывають, а пріѣзжаютъ въ домъ жениха, часа черезъ два послѣ вѣнчанія. Этотъ второй обѣдъ носитъ названіе обѣда горныхъ или горнаго обѣда. Сва-

дебный пиръ продолжается съ 6 часовъ вечера до 2 и 3 пополудни, при чемъ больше всего истребляется вина разныхъ сортовъ и водки. Кушанья состоятъ изъ щей съ мясомъ, лапши мясной и лапши молочной, каши пшенной, молочныхъ блиновъ, яичницы и пироговъ. Во время обѣда молодая подноситъ мужниной роднѣ подарки, состоящіе изъ ситцу на рубахи и рукава, и платковъ; родные мужа тутъ-же отдариваютъ ей, кладя на блюдо деньги. Соблюдается также старинный обычай: когда молодая подаетъ гостей вино, гости говорятъ, что вино горько, подсластить его надо, и молодой, вставъ изъ-за стола, цѣлуетъ жену, гости же выпиваютъ вино и кладутъ на столъ деньги. Начиная вновь ту же церемонію, молодая собираетъ иногда до 3 и болѣе рублей; деньги эти идутъ въ ея пользу и употребляются обыкновенно на покупку какого нибудь наряда—сарафана или платка. Случается даже, что, разсчитывая на эту церемонію, дѣвушка-невеста входить даже въ долги передъ свадьбой: «ну, ничего, говоритъ она, можетъ, за цѣлованье выручу рубля три и заплачу долгъ». Развеселившіеся гости даютъ иногда, за-разъ, по 50 коп. и по 1 рублю.

Свадьбы въ селѣ Оленинѣ отличаются болѣе торжественностію, нежели въ окружныхъ селеніяхъ. Въ Оленинѣ стараются подражать куческимъ обычаямъ большихъ селъ. Передъ свадьбой, въ домѣ жениха, дѣлаютъ обѣдъ для духовенства; молодыхъ ведутъ изъ церкви въ вѣнцахъ, при входѣ въ домъ служатъ молебень. Многія невесты въ селѣ Оленинѣ одѣваются къ вѣнцу въ платье и накалываютъ цвѣты на голову, сверхъ платка, надѣтаго въ родѣ повязки. Въ деревняхъ свадьбы гораздо проще: нарядъ невесты состоитъ изрѣдка изъ платья шерстяного или ситцевого; по большинству вѣнчается еще въ сарафанахъ, волосы на головѣ распускаютъ и перевязываютъ ихъ концами платка, надѣтаго, какъ косынка, и похожаго на тотъ головной уборъ, который можно видѣть на цыганкахъ, не оставляющихъ своего національнаго костюма; по окончаніи вѣнчанія свахи, въ церкви-же, снимаютъ съ невесты косынку, и заплетши волосы въ двѣ косы, надѣваютъ ей на голову женскій головной уборъ—*сборникъ* или *позойникъ*. Обычай этотъ выводится въ селѣ Оленинѣ, вмѣстѣ съ измѣненіемъ наряда невесты. Мужской нарядъ жениха состоитъ повсемѣстно изъ длиннаго Полага сюртука, жилета и красной рубахи.

Надругой или на третій день послѣ свадьбы, молодые идутъ

къ роднымъ невѣсты, гдѣ опять угощаются обѣдомъ, вмѣстѣ со всей родней, потомъ празднуютъ еще дня 3 или 4, а богатые—педѣлю и затѣмъ уже свадебные пиры превращаются. За вѣчаніе платятъ духовенству, обыкновенно, три рубля.

Число браковъ, въ нашемъ приходѣ исчислено, по метрическимъ книгамъ, за послѣднее десятилѣтіе въ 208, и распредѣляется, по селеніямъ, слѣдующимъ образомъ: въ селѣ Оленяхъ съ 1861 года было 30 браковъ, въ деревнѣ Охотинѣ 46, въ Сысоевкѣ 37, въ Орикинѣ 36, въ Банниковѣ 30 и въ Полянѣ 29.

Число браковъ, какъ говорятъ крестьяне, значительно уменьшается, вслѣдствіе дороговизны и громадности расходовъ, соединенныхъ съ сватовствомъ и свадебными пирами.

У.

Приходское попечительство при оленинской церкви.—Положеніе престарѣлыхъ и сиротъ въ волости.

7 ноября 1871 года учреждено, при оленинской церкви, приходское попечительство. Цѣль попечительства: заботы о церкви и служащихъ при ней, поученіе о больныхъ и престарѣлыхъ и распространеніе образованія въ средѣ прихожанъ. Изъ отчетовъ попечительства видно, что доселѣ оно ограничивало свою дѣятельность только заботами о церкви, частью по неимѣнію средствъ на устройство какихъ-либо благотворительныхъ и воспитательныхъ учреждений, частью и по другимъ причинамъ. Совѣтъ приходскаго попечительства собирался три раза; на послѣднемъ засѣданіи (24 сентября 1872 года), по повѣркѣ суммъ, оказалось, что въ приходѣ состояло: кружечной суммы изъ кружки для сбора добровольныхъ приношеній—42 р. 25 к. пожертвованій благотворителей и другихъ лицъ—179 р. 20 к., всего 221 р. 45 к., которые и употреблены для поправки церкви; въ остаткѣ къ 1873 году состояло въ суммахъ приходскаго попечительства 6 р. 47 к. Предсѣдателемъ попечительства избранъ, по большинству голосовъ, одинъ изъ крестьянъ деревни Сысоевки, непремѣнными членами состоятъ, кромѣ священнослужителей оленинской церкви, волостные старшины двухъ волостей—оленинской и дуденевской. Членами попечительства, кромѣ непремѣнныхъ членовъ, избраны, по большинству голосовъ, крестьяне изъ шести деревень, по одному предста-

вителью отъ каждой деревни, состоящей въ приходѣ. Надо ожидать, что современемъ, съ развитіемъ образованія въ крестьянской средѣ, приходское попечительство достигнетъ своей главной цѣли, и сплотитъ прихожанъ въ одно общество, заставитъ сочувственно относиться къ своимъ собственнымъ, общественнымъ или приходскимъ нуждамъ; но въ настоящее время нѣтъ еще и задатковъ этого лучшаго будущаго. Вопросъ о народномъ образованіи, о призрѣніи престарѣлыхъ и сиротъ въ приходѣ не былъ еще даже поднятъ въ совѣтѣ попечительства, и самая дѣятельность попечительства, даже въ отношеніи устройства церкви, часто тормозится несогласіемъ и распрями, возникающими въ средѣ крестьянъ; такъ, напр., заботы священника объ устройствѣ кладбища при селѣ Оленинѣ—о перенесеніи прежняго кладбища на болѣе удобное мѣсто, внѣ селенія, и огражденіи его отъ полей оградой и рвомъ—встрѣчены были нѣкоторыми селеніями далеко не сочувственно, хотя перенесеніе кладбища было настоятельно необходимо, по невозможности хоронить усопшихъ на старомъ кладбищѣ. Земля для вновь устроившагося кладбища была пожертвована землевладѣльцами; отъ крестьянъ требовалось только производство работъ, состоявшее въ прорытіи канавы и сдѣланіи ограды изъ плетня.

Если устройство новаго кладбища вело къ распрямъ и разногласію въ средѣ приходскаго попечительства и прихожанъ, то, весьма естественно, нельзя ждать быстраго развитія дѣятельности попечительства, на поприщѣ совершенно новомъ, а именно на поприщѣ благотворительности, въ видѣ пособій бѣднѣйшимъ изъ прихожанъ. Между тѣмъ положеніе стариковъ и сиротъ въ волости становится съ каждымъ годомъ все тяжелѣе и незавиднѣе, невольно вызывая общество къ принятію мѣръ оказанія имъ какаго-либо пособія хоть въ предотвращеніе нищенства. Въ каждой деревнѣ существуетъ не мало такъ называемыхъ бобылей и бобылокъ, которые часто остаются совершенно безъ пристанища, особенно вслѣдствіе дороговизны лѣса для построекъ *). Не говоря уже о бобыляхъ, людяхъ почему-либо оставшихся совершенно одинокими, ста-

*) Когда лѣсъ былъ дешево, каждый одинокій крестьянинъ или старуза-бобылка могли имѣть свои избенки или кельи.

рымъ людямъ, при частыхъ раздѣлахъ семействъ, приходится доживать свой вѣкъ въ самой тяжелой зависимости отъ остальныхъ членовъ семьи. При раздѣлахъ, между сыновьями часто бываетъ дѣлежъ, даже въ отношеніи содержанія стариковъ, т. е. одинъ изъ сыновей берется содержать отца, другой—мать; вообще власть отца или матери держится въ крестьянской семьѣ только до раздѣла, или, вѣрнѣе, до той поры, пока старики въ силахъ работать.

Но если положеніе старика въ крестьянской семьѣ бываетъ часто весьма тягостно, то положеніе старухи-крестьянки еще тяжелѣе. Правда, что старшія женщины въ семьѣ иногда дурно обходятся съ золовками и снохами при жизни своего хозяина, но послѣ смерти его или по раздѣлѣ, на ихъ долю выпадаетъ также плохая участь; весьма многія старухи-крестьянки, по раздѣлѣ семействъ, оставляютъ свои семьи и идутъ, пока есть силы, наниматься въ работницы и въ няньки, во время рабочей поры, въ болѣе достаточныя или въ многоземельныя крестьянскія семьи. За 3 мѣсяцевъ рабочей поры, отъ іюня до ноября, старуха-крестьянка получаетъ отъ 5 до 6 р., на содержаніи хозяевъ; эти деньги составляютъ ей единственный годовой доходъ. Остальное время года крестьянка поддерживаетъ свое существованіе пряжей нитокъ или сборомъ милостыни, живя Христа ради въ какой-либо крестьянской семьѣ; за квартиру конечно она не платитъ, но пищу должна имѣть свою. Случается, что и въ родной семьѣ старики бывають вынуждены нищенствовать, хотя семья живетъ исправно; въ нѣкоторыхъ семьяхъ, даже за обѣдомъ, старики ѣсть, отдѣльно отъ остальной семьи, только тотъ хлѣбъ, который приобретаетъ сборомъ подаванія.

Совершенно такое-же безпомощное существованіе ведутъ сироты, — дѣти, оставшіяся безъ отца и матери и взятыя на воспитаніе близкими или дальними родственниками. Во многихъ зажиточныхъ семьяхъ берутъ сиротъ на воспитаніе Христа ради, но при этомъ сирота часто пользуется только квартирой, содержаніе же имѣетъ свое, выручая его сборомъ подаванія. Милостыню въ нашей волости рѣдко даютъ деньгами; но въ кускѣ хлѣба не отказываютъ; этотъ хлѣбъ и служить часто единственной пищей сироты до 9—10 лѣтъ, когда семьѣ, его пріютившей удастся пристроить мальчика къ какой либо работѣ. Работа для 9-тилѣтнихъ мальчиковъ тоже издавна установилась въ нашей мѣстности; эта работа

состоитъ въ помощи пастухамъ, при пастьбѣ скота. Каждая деревня платитъ пастуху отъ 40 до 50 р. въ годъ *), и пастухъ занимается, уже отъ себя, такъ, называемаго *подпаска* — мальчика отъ 9 лѣтъ и старше, съ платою отъ до 9 р., за все время пастьбы. Жизнь подпасковъ весьма тяжела, не говоря уже о трудности проводить цѣлые дни въ полѣ, въ осеннее сырое и дождливое время, при плохомъ одѣяніи мальчиковъ; обращеніе пастуховъ съ подпасками рѣдко бываетъ человѣчно. Пропадаетъ-ли въ стадѣ корова или овца, — мѣръ, т. е. общество, нанимающее пастуха, всегда вычитаетъ изъ жалованья пастуха, а пастухъ, при каждой потерѣ, вымѣщаетъ свое неудовольствіе на мальчикѣ; заблужить-ли скотина въ чужое поле и сосѣди-крестьяне принесутъ жалобу или побьютъ пастуха, — онъ всегда свалитъ вину на мальчика, что весьма легко уже потому, что пастухъ занимается въ полѣ плетеніемъ лаптей, а надзоръ за стадомъ поручаетъ исключительно подпаску. Изъ числа мальчиковъ-сиротъ, которыхъ дѣтство проходитъ въ нуждѣ и притѣсненіяхъ всякаго рода, рѣдко вырабатываются хорошія личности; большинство изъ нихъ уходитъ на заработки въ городъ, гдѣ погибаетъ окончательно, частью отъ бѣдности, частью отъ собственныхъ недостатковъ. Быть крестьянами, т. е. имѣть свое хозяйство въ деревнѣ, сироты не имѣютъ возможности: хотя мѣръ и обязанъ выдѣлать сиротѣ, приписанному къ обществу, при совершеннолѣтіи его, усадьбу и участокъ земли, но дороговизна построекъ и вообще заведеній вновь хозяйства ставятъ непреодолимую преграду для сироты, къ осѣдлой жизни въ своей деревнѣ.

Положеніе дѣвочекъ сиротъ въ крестьянской семьѣ также не изъ блестящихъ. Дѣвочка существуетъ сборомъ милостыни лѣтъ до 9; съ этихъ поръ она дѣлается нянькой, во время рабочей поры, какъ въ семьѣ, ее пріютившей, такъ и въ чужихъ семьяхъ, если ея хозяева не нуждаются въ услугахъ дѣвочки. Дѣвочки отъ 9-ти лѣтъ до 12 нанимаютъ въ няньки за ту-же плату, какъ и старухъ, т. е. отъ 5 до 6 р. за 3 мѣсяцевъ рабочей поры. Съ 12 и 13 лѣтъ дѣвочка начинаетъ заниматься жатъ, получая отъ 12 до 13 р. за все лѣто. Кромѣ жатвы жнецъ обязуется помогать въ всѣхъ полевыхъ работахъ, начиная съ іюня и кончая октябремъ, когда оканчивается молотьба хлѣба. Изъ заработной платы дѣвочки

*) Подъ словомъ *годъ* здѣсь подразумѣвается только время пастьбы скота.

сирота рѣдко получаетъ деньги; семья, ее пріотивная, обыкновенно беретъ ихъ, замѣняя деньги какимъ-либо подаркомъ изъ стараго платья или обуви. Сироты-дѣвушки выходятъ въ замужество, почти всегда, за подобныхъ-же себѣ бѣдняковъ или за стоящихъ на очереди, т. е. готовящихся попасть въ рекруты. Последнее бываетъ всегда еще хуже, потому что большинство солдатокъ, оставшихся въ деревнѣ, терпятъ крайнюю нужду. По сдачѣ въ рекруты сына, крестьянинъ оставляетъ въ домѣ невѣстку только съ рѣдкихъ случаяхъ и когда сама невѣстка сумѣетъ такъ поладить съ семьей, что семья будетъ видѣть въ ней необходимую помощницу; въ противномъ-же случаѣ солдатка должна возвратиться въ свою семью или жить одиноко. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ число солдатокъ, живущихъ по деревнямъ оленинской волости, за 1872 годъ, было слѣдующее: въ Оленинѣ—10, въ дер. Полянѣ—5, въ селѣ Банниковѣ—8, въ Охотинѣ—10, въ Орикинѣ—8, въ Сысоевѣ—16, въ Шумиловѣ—20, всего 66 человѣкъ. Изъ нихъ только нѣкоторыя живутъ въ своихъ семьяхъ; военныхъ-же, т. е. солдатъ, вернувшихся на родину, состоятъ въ настоящее время по деревнямъ: въ селѣ Оленинѣ—6, въ деревнѣ Полянѣ—6, въ Банниковѣ—5, въ Охотинѣ—8, въ Орикинѣ—1, въ Сысоевѣ—11, въ Шумиловѣ—12, всего 49 человѣкъ.

Большинство солдатокъ, терпя крайнюю бѣдность, начинаетъ со временемъ заниматься тайно продажей вина и пріемомъ закладовъ и краденыхъ вещей; но тѣ, которыя предпочитаютъ трудъ, или не имѣютъ возможности попасть на этотъ, тоже довольно не вѣрный путь, отправляются искать средствъ къ существованію на заработки въ городъ и въ село Богородское. Въ селѣ Богородскомъ женщины нанимаются для стряпни на рабочихъ, при тамошнихъ фабрикахъ и заводахъ, получая отъ 2 до 3 р. въ мѣсяцъ, на хозяйскомъ содержаніи. Въ Нижнемъ многія женщины-солдатки изъ нашей волости имѣютъ мѣста кухарокъ и прачекъ, но подобныя мѣста не для всѣхъ легко находятся, по неумѣнью большинства крестьянскихъ женщинъ исполнять обязанности кухарки и прачки, такъ, какъ это требуется въ городѣ. Болѣе возможна для одинокихъ крестьянокъ временная работа въ городѣ весной, когда въ Нижній приходитъ много рабочихъ, артели рабочихъ, преимущественно плотниковъ и кирпичниковъ; нанимаютъ кухарокъ съ платою

не менѣе 1 р. съ человѣка, такъ, что кухарка можетъ заработать отъ 6 до 7 рублей въ мѣсяцъ, даже въ небольшихъ артеляхъ; обязанность ея заключается въ приготовленіи кушанья и стиркѣ бѣлья для рабочихъ. Нечего и говорить, что тѣ изъ солдатокъ, которыя не имѣютъ семьи, несравненно скорѣе находятъ возможность къ безбѣдному существованію, но большинство женщинъ-солдатокъ оставляютъ въ деревнѣ дѣтей, за содержаніе которыхъ должно платить; плата эта часто равняется заработной платѣ, получаемой женщиной; за содержаніе ребѣнка отъ 1 году до 3 лѣтъ платить обыкновенно по 1 р.; съ возрастомъ эта плата увеличивается и доходить до 2 р. въ мѣсяцъ. Оставаясь въ деревнѣ, женщина-солдатка или занимается, какъ сказано выше, тайной продажей вина, или кое-какъ перебивается различными женскими работами, выпадающими на ея долю весной и лѣтомъ. Хорошо, если ей удастся купить избенку, — тогда солдатка съ дѣтьми еще можетъ считать себя счастливой; лѣтомъ она занимается въ жней или беретъ изъ полу полосы льна у сосѣдокъ-крестьянокъ, имѣющихъ его въ достаточномъ количествѣ, и помогая имъ при обработкѣ льна, получаетъ нѣсколько складниковъ на свою долю. Въ зимнее время она изготовитъ изъ льна холстъ на продажу, чтобы одѣть себя и дѣтей. Лѣтомъ, занимаясь въ жней, солдатка можетъ получить отъ 3 до 3 р. 50 к. съ десятины на помѣщичьихъ запашкахъ или, поденно, отъ 30 до 35 и 40 к. въ день; но число помѣщичьихъ запашекъ въ оленинской волости и въ близъ лежащихъ волостяхъ столь ограничено, что подобный доходъ не возможно считать постояннымъ; гораздо большее количество жней требуется въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Крестьяне нанимаютъ жней на все время рабочей поры, т. е. съ іюня до ноября; плата имъ не превышаетъ 15 р., за всѣ 5 мѣсяцевъ.

Въ осеннее время, кромѣ молотьбы существуетъ еще въ нашей волости одинъ отдѣльный промыселъ для женщинъ. Въ 3 верстахъ отъ деревень Башикова и Охотина и въ 2 верстахъ отъ Поляны, находится село Доскино, нижегородскаго уѣзда, съ затономъ при рѣкѣ Окѣ, въ которомъ ежегодно ставятъ на зимовку пароходы; съ приходомъ пароходовъ требуется всегда много женщинъ для мытья палубъ. Работа эта весьма опасна для здоровья, потому что бываетъ обыкновенно въ холодное осеннее время, часто

въ гололедицу первыхъ морозовъ; но хорошая плата заставляетъ забывать объ опасностяхъ, и женщины, цѣлыми толпами, отправляются на работу въ доскинскій затонъ. Плата бываетъ различная и зависитъ только отъ двухъ договаривающихся сторонъ, потому что и тутъ дѣло не обходится безъ раздѣленія труда. Сначала идутъ къ заѣздывающимъ пароходами двѣ-три предприимчивыя женщины и заключаютъ условіе, заключающееся въ томъ, чтобы прислать для мытья палубъ требуемое число работницъ. Условившись словесно о почасной цѣнѣ, смотря по количеству работницъ, эти женщины обходятъ ближнія деревни или въ своей деревнѣ набираютъ артель и уплачиваютъ уже отъ себя каждой женщинѣ, а сами получаютъ расчетъ отъ хозяевъ пароходовъ. За мытье палубъ работника получаетъ отъ 30 до 40 к. въ день; женщина-подрядница выручаетъ отъ 40 до 50 к., т. е. имѣетъ за свои хлопоты барыша отъ каждой работницы по 10 к. ^{моторъ и фонарь} ^{смотъ} Съ наступленіемъ зимы солдатки и бобылки, живущія въ своихъ отдѣльныхъ кельяхъ или избенкахъ, терпятъ большую крайность отъ недостатка топлива; крестьянскія общества, хотя и владѣютъ небольшими лѣсными участками, но при разчисткѣ ихъ ежегодно выдаютъ хворостъ и дрова только домохозяевамъ, отбывающимъ повинности; бобылки же, бобылки, а тѣмъ болѣе солдатки, исключаются совершенно изъ числа пользующихся тѣмъ, даже организованнымъ количествомъ лѣса, который имѣется въ волости. Для отопленія своихъ избъ бобылки прибѣгаютъ къ двумъ способамъ; первый: тайное пользованіе лѣсомъ, второй—посидѣлки; допуская дѣвушекъ, собирающихся работать, по зимамъ, въ свою избу, хозяинка избы беретъ съ нихъ, какъ-бы въ видѣ платы, за право пользованія помещеніемъ, всѣ расходы по отопленію и освѣщенію избы. Дѣвушки дѣлаютъ складчину и покупаютъ топливо или добываютъ его тайно изъ тѣхъ лѣсныхъ дачъ, гдѣ не имѣется караульщиковъ. Горькая участь, которая выпадаетъ на долю бобылокъ и солдатокъ въ деревнѣ, заставляетъ крестьянскихъ дѣвушекъ изъ достаточныхъ семействъ избѣгать браковъ съ тѣми изъ крестьянъ, которые подлежатъ рекрутской очереди, но родители молодыхъ людей смотрятъ на эти браки съ своей точки зрѣнія и стараются женить сыновей, даже за годъ до поступленія въ рекруты. Расчетъ ихъ состоитъ въ томъ, чтобы взять въ домъ работницу и дѣй-

ствительно, если женщина попадется тихая и безответная, то она служитъ семьѣ до возвращенія мужа, но чаще всего подобный расчетъ оказывается невѣренъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ поладить со всей крестьянской семьей, состоящей изъ самыхъ разнохарактерныхъ личностей и въ результатѣ всегда выходитъ то, что женщина-солдатка оставляетъ семью мужа, черезъ годъ или вскорѣ по уходѣ его и попадаетъ въ разрядъ тѣхъ бобылей, о которыхъ говорено было выше.

Постройка новыхъ избъ бобылями и бобылками составляетъ въ настоящее время большую рѣдкость, но переходъ старыхъ избъ отъ одного владѣльца къ другому иногда случается; цѣны на старыя избы весьма не велики. По случаю, особенно послѣ смерти одинокаго владѣльца или владѣлицы избы, можно купить избу за 15, 20 и 25 р.; подобными случаями и пользуются одинокія старухи и солдатики, приобретаая такимъ образомъ возможность жить въ своемъ отдѣльномъ углу. При крепостномъ правѣ въ каждомъ селеніи имѣлись отдѣльные участки или такъ называемыя бобыльскія слободы, бобыли не отбывали уже никакихъ повинностей; (конечно были тоже исключенія изъ этого правила въ иныхъ деревняхъ); въ настоящее время для бобылей еще не установлено крестьянскими обществами никакихъ опредѣленныхъ правилъ; въ одной деревнѣ общества беретъ съ бобылей плату за усадьбу по 2 рубля 50 коп. въ годъ, въ другихъ деревняхъ бобыли изъяты отъ платежа этой повинности. Въ Полянѣ крестьянское общество собираетъ съ бобыльскихъ усадебъ плату, въ Банниковѣ, гдѣ имѣется семь бобыльскихъ дворовъ, принадлежащихъ бывшимъ отставнымъ солдатамъ и вдовамъ ихъ, плата за усадьбы не полагается. Въ Охотинѣ плата за усадьбы бобылей собирается, только съ тѣхъ изъ нихъ, которые въ силахъ работать. Количество дворовъ, принадлежащихъ отставнымъ солдатамъ или вдовамъ ихъ, распределяется по деревнямъ нашей волости въ такихъ размѣрахъ: въ Оленинѣ 1, въ Полянѣ 6, въ Банниковѣ 7, въ Охотинѣ 2, въ Орикинѣ 1, въ Сысоевѣ 3, въ Шумиловѣ 10.

Бывшіе дворовые люди, взявшіе усадьбы въ волости, принадлежатъ тоже къ числу бобылей, но число дворовыхъ людей, приписанныхъ къ волости, весьма ограничено и большая часть изъ нихъ живетъ въ городѣ. Дворовые люди какъ-то вдругъ исчезли послѣ 19 февраля. За послѣдніе 10 лѣтъ изъ числа дворо-

выхъ, приписанныхъ къ Оленину въ количествѣ 10 человекъ мужчинъ и 7 женщинъ, остались въ живыхъ только 5 мужчинъ и 1 женщина.

VI.

Преступленія и проступки.

Главнѣйшія преступленія и проступки въ нашей волости — кражи всѣхъ видовъ. Кражи случаются чаще лѣтомъ, нежели осенью и зимой. Многіе крестьяне знаютъ своихъ воровъ, но объ удаленіи ихъ изъ волости не хлопчатъ, опасаясь, чтобы воръ не сжегъ деревни или не отомстилъ-бы какимъ-либо инымъ способомъ. Жалобы въ мировой судъ у насъ подаютъ рѣдко; большинство терпѣливо переноситъ различныя невзгоды, предпочитая въ свое утѣшеніе толковать о покражѣ съ друзьями и односельцами, между которыми рѣдко бываетъ и виновникъ невзгоды. Кражи у крестьянъ состоятъ, большею частію, изъ кражъ теплаго зимняго платья; воры здѣшней мѣстности придумали особый способъ кражи этихъ вещей. Шубы хранятся обыкновенно у крестьянъ въ чуланахъ, при избахъ; замѣтивъ мѣсто, гдѣ висятъ шубы, воры дѣлаютъ изъ длинной жерди крючокъ, прикрѣпляютъ къ концу жерди гвоздь и посредствомъ крючка, черезъ маленькое окно чулана снимаютъ шубы съ вѣшалокъ. Подобныя кражи весьма обыкновенны; мнѣ случилось даже слышать рассказъ крестьянина о его встрѣчѣ съ воромъ, весьма оригинальной. Крестьянинъ былъ изъ бѣдняковъ *) и съ большими трудомъ сколотилъ деньги на покупку теплаго платья для себя и дѣтей; жена его была на столько неосторожна, что похвалилась передъ сосѣдками этими покупками. Вскорѣ случилась кража тѣмъ способомъ, какъ описано выше. Крестьянинъ зналъ, что воръ мѣстный житель, но предпочелъ, какъ и всѣ, оставить его въ покоѣ; черезъ нѣсколько недѣль онъ зашелъ выпить въ мѣстный питейный и встрѣтилъ тамъ человека, котораго подозрѣвалъ. «Ну, братъ, сказалъ тотъ, хороши твои шубы: вотъ и теперь еще на нихъ пью». — «Какъ такъ! Развѣ ты украдъ мои шубы?» спросилъ крестьянъ. «Ну, конечно, я, а то кто-же?» безъ малѣйшей застѣнчивости возразилъ воръ. «И это те-

*) Мѣстные воры всегда стараются воровать у бѣдняковъ: богатый крестьянинъ, имѣя голосъ на мѣстныхъ сходахъ, для нихъ опаснѣе.

бѣ не стыдно, братъ! Вѣдь ты тоже крещеный», замѣтилъ кто-то изъ бывшихъ въ питейномъ. «Знамо крещеный, да что дѣлать! Надо-же достать на выпивку».

Случаевъ убійствъ, съ цѣлью грабежа, въ волости не запомнить; но убійства нечаянныя, во время драки, случались. Ссылка за воровство подвергся, изъ оленинской волости, за послѣднее десятилѣтіе, только одинъ крестьянинъ, уроженецъ деревни Поляны.

УП.

Устройство семьи.— Народные юридическіе обычаи и положеніе женщины въ семьѣ.

Крестьянскіе обычаи и преданія старины значительно вліяютъ на домашній бытъ крестьянина. Устройство семьи и юридическіе обычаи, въ семьѣ крестьянина, далеко не тѣ, какимъ слѣдуетъ образованное общество. Помимо законовъ гражданскихъ, у крестьянина существуетъ свой собственный кодексъ, основанный на мѣстномъ, издавна перешедшемъ отъ предковъ, обычаѣ. Главой семьи, старшимъ или хозяиномъ, считается только одно лицо — отецъ или старшій братъ, когда отца уже нѣтъ въ живыхъ. Остальные члены семьи, хотя-бы они состояли изъ двухъ или трехъ старшихъ взрослыхъ сыновей, съ женами и дѣтьми, обязаны безпрекослочно повиноваться волѣ хозяина семьи и отдавать ему весь свой заработокъ. Проживая въ городѣ, на заработкахъ, члены семьи неимѣютъ права переходить отъ одного хозяина къ другому, безъ вѣдома старшаго въ семьѣ, равно какъ и заключать условія найма, безъ его согласія. Домохозяинъ входитъ въ сношенія съ подрядчиками или хозяевами рабочихъ, и каждая копейка, утаенная младшимъ членомъ семьи, издержанная для себя лично или для жены и дѣтей, помимо старшаго въ семьѣ, считается воровствомъ. За то хозяинъ въ семьѣ отвѣчаетъ за всю семью при платежѣ повинностей, ведетъ расходъ на содержаніе и одежду меньшихъ членовъ семьи; также и жена его считается старшей въ семьѣ, распоряжаясь всѣми остальными женщинами (снохами и женами младшихъ братьевъ хозяина) при работахъ, какъ полевыхъ, такъ и домашнихъ.

Вслѣдствіе устройства семьи, на началахъ, близко подходящихъ къ отжившему крѣпостному праву, богатство и бѣдность крестьянина часто обусловливаются большимъ или меньшимъ коли-

чествомъ рабочихъ силъ въ семьѣ; оттого съ отдѣленіемъ отъ семьи одного или двоихъ работниковъ, семья бѣднѣетъ и, наоборотъ, съ возрастомъ сыновей, съ увеличеніемъ рабочихъ силъ — богатѣетъ.

Если семья дѣлится, послѣ смерти отца, то, по крестьянскому обычаю, изба съ усадомъ переходитъ всегда къ младшему сыну, а старшій наследуетъ деньги, оставшіяся послѣ отца и все движимое имущество, по продажѣ котораго онъ долженъ выселиться на другую усадьбу. Иногда старшій, не желая подобнаго дѣлежа, заключаетъ съ младшимъ особое условіе, по которому уплачиваетъ ему, разомъ или постепенно, за право жить на старомъ усадѣ, и младшій, взявъ эту сумму, переселяется на новое мѣсто. Стоимость усадбъ бываетъ неопредѣленна и зависитъ отъ договаривающихся сторонъ, не смотря на стоимость ихъ по положенію 19 февраля; крестьяне не соображаются съ основными законами положенія и покупаютъ другъ у друга усады за довольно высокую цѣну; такъ, напр., одинъ крестьянинъ купилъ у своего младшаго брата усадъ за 150 рублей, а по выкупу онъ могъ выкупить у помѣщика усадъ съ полевымъ надѣломъ за 123 рубля; незнаніе законоположенія и непониманіе своихъ правъ, слѣдствіе безграмотности, вводитъ крестьянина въ подобные расходы, которыхъ онъ могъ-бы избѣжать. Кромѣ платежа за усадѣбную землю, на которую каждый, взявшій надѣлъ, имѣетъ право по положенію 19 февраля, крестьянинъ долженъ еще уплачивать 150 рублей, а иногда и болѣе своему односельцу, который также беретъ эти деньги одновременно или по третямъ, не имѣя на нихъ никакого права. Кромѣ денегъ за пользование усадомъ, старшій братъ, при дѣлежѣ, обязанъ уплачивать младшему за избу и строеніе, или, по уговору, выстроить ему новую избу, на томъ усадѣ, куда онъ выселится. Новые усады выдѣляются міромъ изъ общественной земли, имѣющейся при каждомъ селеніи. Старшіе братья, сожалея разставаться съ усадьбой и особенно съ фруктовыми садами, которые трудно разводить вновь, почти всегда покупаютъ усады, вслѣдствіе чего каждый дѣлежъ въ семьѣ ведетъ къ большимъ расходамъ и потрясаетъ на долго домашнее хозяйство крестьянина. Дѣлежи, при жизни отца, бываютъ между сыновьями по недовольствамъ и ссорамъ; тогда усадъ и домъ достаются, помимо обычаевъ, тому, кто заслужилъ расположеніе отца. После смерти жены хозяина имущество дѣлится между дѣтьми; но если дѣтей нѣтъ, то оно возвращается обратно въ семью

ея родныхъ; если умереть молодая бездѣтная женщина, то приданое, которое она принесла съ собой, отдается снова ея матери и сестрамъ; если же, послѣ смерти женщины, остались дѣти, имущество ея только хранится въ семьѣ мужа, но никто, кромѣ дѣтей, не имѣетъ права имъ пользоваться; дѣти получаютъ его: мальчики — при женитьбѣ, дѣвочки — при выходѣ въ замужество *).

Положеніе женщины въ семьѣ незавидно; она живетъ, пока молодѣла, въ полной зависимости отъ свекра, свекрови, мужа и даже отъ женъ старшихъ братьевъ мужа; только когда становится она сама главой семьи, когда мужъ ея дѣлается старшимъ въ домѣ, жизнь ея нѣсколько улучшается. За то положеніе дѣвушекъ въ семьѣ несравненно лучше. Зимой дѣвушки почти не живутъ дома, проводя цѣлые дни и вечера, въ такъ называемыхъ *посидѣлкахъ*, въ избѣ какой нибудь старухи-бобылки или солдатки. Здѣсь цѣль собраній — пряжа и работа — часто смѣняется играми, пѣснями и приемомъ гостей — молодыхъ парней, приходящихъ съ цѣлью посмотрѣть невѣсть или просто повеселиться. Посидѣлки — нѣчто въ родѣ деревенскаго клуба. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы они сдѣлались чрезвычайно шумны, именно вслѣдствіе посѣщенія ихъ толпами молодыхъ парней, являющихся изъ мѣстныхъ питейныхъ, а иногда и приносящихъ съ собой косушки и полуштофы. Посидѣлки часто оканчиваются теперь буйными драками и многія изъ старухъ-бобылокъ избѣгаютъ посидѣлокъ, не допуская въ свои семьи дѣвушекъ, для которыхъ было-бы несравненно лучше работать въ ихъ кельяхъ, нежели въ избахъ молодыхъ солдатокъ, пользующихся всегда плохой репутаціей. Отцы и матери сильно негодуютъ на посидѣлки, но запретить дочерямъ посѣщать ихъ не могутъ, опасаясь, что, пожалуй, дочери останутся на ихъ рукахъ — замужъ не выйдутъ.

УІІІ.

Народныя удовольствія и народныя пѣсни въ оленинской волости.

Зимой деревенская молодежь веселится, собираясь въ посидѣлки, лѣтомъ — иное развлеченіе, — гулянья въ лугахъ. Народныя гулянья въ лугахъ устраиваются ежегодно, по воскресеньямъ, между деревнями Банниковымъ, Охотинымъ, Оришкинымъ и Шуми-

*) Имущество это почти всегда состоитъ изъ шубъ и сарафановъ; если наследуетъ сынъ, то онъ даетъ его, какъ приданое, своей невѣстѣ.

ловымъ, частію на шумиловской, частію на банниковской землѣ. На этихъ гуляньяхъ бываетъ обыкновенно до 400 человекъ, но въ большіе праздники — въ вознесенье, въ духовъ день — гулянья состоятъ изъ 900 и 1000 человекъ; въ луга собираются даже изъ окружающихъ деревень другихъ волостей. Эти гулянья образовались послѣ 19 февраля, когда крестьяне стали св.бодно, безъ дозволенія помѣщиковъ, вступать въ браки съ крестьянками сосѣднихъ деревень. Гулянья образовались постепенно, но съ каждымъ годомъ они дѣлаются многочислѣе и принимаютъ характеръ городскихъ народныхъ гуляній. Въ лѣску, окружающемъ лугъ, появился неизбѣжный балаганъ съ продажей различныхъ питій, а главное вина и водки; есть и самоваръ для желающихъ. Вокругъ балагана идетъ азартная игра въ орлянку, на лугу между двумя или тремя большими хороводами устраиваются маленькіе балаганы, съ продажей пряниковъ, орѣховъ и различныхъ сластей. Съ каждымъ годомъ больше и больше появляется посѣтительницъ гулянья въ платьяхъ, вмѣсто сарафановъ и посѣтителей въ длиннополыхъ сюртукахъ и жилетахъ. Гулянья въ лугахъ начинаются съ 1 мая и продолжаются до заговѣнья, до петровыхъ, какъ говорятъ крестьяне, т. е. до 29 іюня. Старое поколѣніе, сѣтующее на свободу, господствующую въ посидѣлкахъ, недовольно и гуляньями въ лугахъ. На послѣдніе жалуются, что они сильно развиваютъ роскошь между молодежью, которой въ ихъ молодые годы не было; такъ, напр., дѣвушка, явившаяся на гулянье въ ситцевомъ сарафанѣ не смѣетъ встать въ хороводъ и принять участіе въ общемъ весельи, оттого, что въ хороводѣ принято ходить въ шерстяныхъ сарафанахъ, платьяхъ и въ шелковыхъ платкахъ; также и молодые парни, неимѣющіе щегольского наряда — сюртука тонкаго сукна, хорошихъ сапоговъ и жилета — остаются только зрителями чужого веселья. Перчатки являются тоже необходимой потребностью при играхъ въ хороводахъ. Конечно перчатки покупаются недорогія, бумажныя и даже вязанныя шерстяныя, преимущественно яркихъ цвѣтовъ; сверхъ перчатокъ дѣвушки надѣваютъ на пальцы множество колецъ. «Всѣ эти новыя моды, говорятъ старики, привыкшіе во время крѣпостного права считать сапоги и суконный кафтанъ роскошью, много уносятъ нашихъ денегъ; но что будешь дѣлать съ молодежью? Попробуй отказать — такъ того и глади бѣды наживешь». Подъ бѣдой подразумеваютъ старики воровство, особенно домашнее, которое, при всей

бдительности хозяина семьи, легко может случиться, если член семьи работает на стороне, а также отдельно от семьи, что, как мы видели выше, весьма сильно влияет на благосостояние крестьянина, в особенности, если захочет отделиться хорошим работником. Старший в семье всегда старается придержать его, исполняя все его требования и часто для покупки нарядов детям крестьянина продает корову, берет в долг у местного ростовщика за большие проценты 20, 30 р., лишая младших членов семьи здоровой и необходимой для них пищи, или тепла и необходимого платья и обуви младших братьев, сестер и детей, которые еще не приносят семье дохода.

Если посторонний зритель, не имевший понятия о крестьянском быте, посмотрел бы на сельские народные гулянья, он был бы вероятно приятно изумлен достатком и довольством крестьян (также, как посторонний зритель по блеску балов высшего общества дбает ошибочныя заключения о богатстве и довольстве этого общества в его внутренней домашней жизни), но стоит только вникнуть, каким путем приобретаются эти суконные кафтаны, армяки, шерстяные и шелковые сарафаны, чтобы пожалеть остальную толпу голодающих, за мигуток, в сравнении с целым годом, развлечение старших членов семьи.

Говоря об увеселениях народа, невозможно не упомянуть и о народных пениях. Старинныя песни — свадебныя, хороводныя и плясовыя — известны читателю из сборников народных песен, вывелись совершенно в нашей местности; их заменили песни позднейшаго творчества, занесенныя солдатами, стоявшими по деревням, мастерами и местными передбывателями старых песен. Песни позднейшаго творчества представляют иногда набор слов, видимо составленный полуграмотным, но уже отчасти понатертым в среде грамотеев крестьянином-мастеровым или солдатом. Песни эти не все удобны в печати, хотя в деревнях они поются девочками 6—7 лет. Мы приведем здесь некоторые из лучших, и чаще других употребляющихся при хороводных играх *).

*) Многие, понимая под историей лишь то, что покрыто густой пылью веков, придают ценность только песням стародавним, забывая, что эти стародавния песни, в свое время, быть может казались современникам на столько же вульгарными, на сколько нашим современникам кажутся вульгарными нынешния пѣ-

Къ числу хороходныхъ пѣсень принадлежить пѣсня о выборахъ невѣсты баринѣ. Безъ нея не обходится ни одного гулянья въ лугахъ. Играющіе становятся кружкомъ, одинъ изъ парней выходитъ въ кругъ, при пѣніи хоромъ:

Ходилъ баринъ, гулялъ баринъ,

Да по хороводу, да по широкому;

Искалъ баринъ, смотрѣлъ баринъ

Онъ себѣ невѣсту, онъ себѣ богатую.

Парень подходитъ къ одной изъ дѣвушекъ, стоящихъ въ кругу и, снимая картузъ, низко кланяется; дѣвушка выходитъ изъ круга и идетъ вслѣдъ за нимъ по кругу, а хоръ поетъ:

Будь ты мнѣ невѣста,

Будь ты мнѣ невѣста,

А я тебѣ женихъ,

А я тебѣ женихъ.

Парень, обойдя кругъ три раза, подходитъ къ одному изъ молодыхъ мужчинъ, стоящихъ въ кругу и къ молодой женщинѣ, замужней или вдовѣ, низко кланяясь имъ, а хоръ поетъ:

Искалъ баринъ, смотрѣлъ баринъ

Онъ себѣ и тестя, онъ себѣ богатаго,

Искалъ баринъ, смотрѣлъ баринъ

Онъ себѣ тещу, онъ себѣ богатую.

Будь ты мнѣ тесть,

Будь ты мнѣ тесть,

А я тебѣ зять, дочку твою взять,

Будь ты мнѣ теща и т. д.

Въ кругу начинаютъ ходить двѣ пары: женихъ, невѣста, тесть и теща, а хоръ продолжаетъ пѣть о томъ, какъ баринъ искалъ себѣ родню богатую, какъ искалъ онъ шурина, невѣстку и проч. Наконецъ, когда въ хороходѣ соберется вся предполагаемая родня же-

сли; но послѣднія, по нашему мнѣнію, на столько-же цѣнны, на сколько цѣнны и старинныя пѣсни, — разумеется кромѣ такихъ, низшаго разбора современныхъ пѣсень, въ которыхъ нѣтъ никакого смысла, ни слога, ни ладу, которые представляютъ лишь безтолковый наборъ словъ. Мы очень рады, что авторъ настоящей статьи не отнесся съ важнымъ высокомеріемъ къ современнымъ пѣснямъ и привелъ нѣсколько образцовъ въ своей статьѣ. Старинныя пѣсни цѣнятся часто потому, что ихъ трудно возстановить (часто бьются даже за возстановленіемъ такихъ нелѣпицъ, которыми, по безмысленности ихъ, нигде не годны), а извѣстна человеческая слабость, выражающаяся пословицей «что имѣемъ — не хранимъ; потерявши — плачемъ»; эту-же пословицу слѣдуетъ примѣнять и къ современнымъ пѣснямъ, въ которыхъ, если не всегда можно встрѣтить присутствіе поэзіи, за то немало близкой намъ живой дѣйствительности, реальности. Мы убѣдительно просимъ собирателей народныхъ пѣсень обращать серьезное вниманіе на пѣсни новѣйшаго происхожденія, имѣющія также свою цѣнность. — Ред.

ниха, парь до шести, женихъ кланяется всѣмъ, стоящимъ въ хороводѣ и хоръ поетъ:

Пиво наварено, вино накурено,
И васъ всѣхъ, добры люди, жалую на свадьбу,
Всѣхъ прошу покорно.

Но это еще не конецъ пѣсни; женихъ съ родней продолжаетъ ходить по хороводу и хоръ поетъ, какъ-бы о приготовленіяхъ къ свадьбѣ.

Тестюшка-батюшка, наруби дровецъ.
Тещушка-матушка, напеки блинковъ,
Своячина-ластюшка, вышей подотенце,
Невѣстущка-барыня, садись во карету.

Женихъ при пѣніи этого хора кланяется отдѣльно каждому изъ выбранной родни, потомъ опять идетъ по хороводу со всей своей свитой; хоръ начинаетъ пѣть совершенно противоположное:

Тестюшка-батюшка, неруби дровецъ,
Тещушка-матушка, непеки блинковъ,
Невѣстущка-барыня, не садись въ карету—
Я гулять не ѣду.
И вся-то моя свадьба въ раззоръ раззорится,
Пиво разварится, вино раскурится.
И васъ, добры люди, не зову на свадьбу,
Не зову покорно.

При послѣднихъ словахъ женихъ съ родней становится въ рядъ съ хоромъ и пѣсня кончается.

Вторая хороводная пѣсня, часто употребляющаяся, извѣстна подъ названіемъ «Старый мужъ». Она начинается такъ:

Ты зайди, старый, подаль
Налови рыбы поболь,
Налови рыбы поболь,
Навари ей (т. е. женѣ) на таганъ.
Ой калина, ой малина!
Навари ей на таганъ.

Принеси женѣ поболь,
Принеси женѣ поболь,
Свою женку удоволь,
Свою женку удоволь.

Ой калина, и т. д.

По хороводу ходить парень, представляющій, что онъ ловить рыбу руками.

Ужь какъ мой-то мужъ-то, старъ,
Разгребати воду сталъ,
Разгребаеъ, старъ, воду,
Тышитъ женку молоду.

Ой калина, и т. д.

Онъ по шейку въ воду всталъ
Разгребати воду сталъ,
Разгребаеъ, старъ, воду,
Тышитъ женку молоду.

Ой калина, и т. д.

По головку въ воду всталъ,
По головку въ воду всталъ,
И тонуть скоро сталъ,
И тонуть скоро сталъ.

Ой калина, и т. д.

Слава Богу, слава Богу, свою мужа изжила
Себѣ волю нажила, себѣ волю нажила!
Я пиво заварю, молодыхъ рабятъ сзову
Всѣхъ употчиваю, пивомъ, медомъ удовольствую.

Послѣ петровокъ хороходныя пѣсни не поются; вмѣсто ихъ распространены иныя пѣсни. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ пѣсня о царскихъ дочеряхъ, переѣланная, повидимому, изъ какой-нибудь старинной баллады, и съ хорошимъ напѣвомъ. Въ пѣснѣ поется, какъ

Жила одна красавица, царская дочь;
Другая была смуглая, какъ теплая ночь.
Меньша сестра большую сманила потайкомъ:
Пойдемъ, пойдемъ сестрица
На бережокъ морской,
Посмотримъ-ка, сестрица,
Чѣмъ берегъ украшенъ.
Украшенъ-же былъ берегъ
Все пѣною морской;
Покрыто сине море
Покровомъ гробовымъ.
Меньша сестра большую
Столкнула съ бережку.
Прощай, прощай, сестрица,
Прощай, мой милый другъ.
Отдай съ руки колючко милому жениху.
Куда вътеръ подуетъ

Туда волной несетъ,
Несетъ, несетъ красавицу;
Ко бережку прибѣтъ,
Ко бережку крутому;
Ко желтому песку.
Рыбаки рыбу ловятъ
Во всю глуху полночь;
Поймали-же рыбаки
Меньшую цареву дочь;
Одинъ былъ изъ рыбаковъ
Аристинъ молодой;
Сказалъ онъ своимъ братьямъ:
Я сдѣлаю живой,
Сострою я арфу изъ былыхъ костей,
Налажу я струны изъ русскихъ волосъ;
Поставлю ту арфу
Противъ царскихъ воротъ;
Послушайте ребята, что арфа говоритъ:
Сестра моя, сестрица,
Сгубила ты меня!

Къ пѣснямъ, сложеннымъ собственно народомъ и поющимъ
исключительно мужскимъ населеніемъ, относится пѣсня рекрута:

Эхъ гулянье мое, гулянье мое,
До чего меня гулянье довело!
Со полуночи до бѣлой до зари
Нападаютъ все богаты мужики
Все богаты мужики, разстарые старики
Все хотятъ меня въ солдатушки отдать;
Запрягаютъ тройку вороныхъ коней,
Подвѣли ко широкому двору,
Подхватили меня, молодца, съ собой,
Повезли меня, во Нижний городокъ,
Завезли меня въ сосѣдній кабачокъ;
Подносили чару зелена вина,
Не примаешь моя душенька;
Ужъ я выпилъ чару зелена вина,
Повели меня въ присутствіе,
Какъ поставили подъ мѣрушку,
Закричали: «любъ-таки, любъ!»
Подносили мои ноженьки.

Покатилась съ плечъ головушка долой.
 Ужь и начали мнѣ русыя кудри сымать,
 Ужь и сняли мои русыя кудри,
 Опустились бѣлыя рученьки,
 Вы подуйте вѣтры буйныя,
 Со восточной, со сторонышки,
 Вы развѣйте, раздуйте желтыя пѣски.
 Ты раскройся гробова доска,
 Распахнись бѣль-тонкій саванъ,
 Ты возстань-ка родной батюшка,
 Ты возстань-ка родна матушка,
 Посмотри-ка на мое горе великое,
 Что оплакать-то меня некому,
 Провожали меня мужи дядюшки,
 Снаряжали красныя дѣвушки.

Изъ числа пѣсенъ съ веселымъ напѣвомъ поется часто пѣсня новѣйшаго изобрѣтенія, сложенная также народомъ. Въ пѣснѣ говорится о желѣзной дорогѣ:

Какъ на дворикъ тотъ взойдешь,

Тамъ еще болѣе найдешь.

На воротахъ двѣ доски —

Петербургскія и московскія.

Что за дивная лошадка,

Богатырская повадка.

Войдетъ, взойдетъ, за собой много ведетъ —

По двѣнадцати вагоновъ и не дѣлаетъ проговновъ,

Отъ вокзала до вокзала и не дѣлаетъ привада.

Отдашь денежки на мѣсть

Очутишься вереть за двѣсти.

Что за дивный, славный конь

Не ѣсть сѣна, ни овса,

Только пьетъ воды по многу

Да и стонетъ всю дорогу

Войдетъ, пройдетъ, за собой много ведетъ

До чего народъ доходить

Самоваръ въ пристяжку ходитъ

Пѣсни сантиментальнаго свойства всѣ почти отличаются практическимъ взглядомъ на любовь; такъ, напр., въ одной пѣснѣ поется, какъ

Пришелъ миленькій не рано,

Онъ принесъ добра не мало,
На полтину чернослива,
На двугривенный изюму
И на сто рублей атласу.
Въ другой пѣснѣ говорится о подаркахъ уже самому милень-
кому:

Полюбила я милого,
Нѣтъ кафтана у него—
Продамъ маминъ сарафанъ,
Куплю милому кафтанъ.
Полюбила я милого,
Нѣтъ сапожекъ у него—
Продамъ чашки, продамъ ложки,
Куплю милому сапожки, и т. д.

Изъ старинныхъ пѣсень существуетъ, сколько мнѣ известно, только одна пѣсня, встречающаяся въ сборникахъ народныхъ пѣсень, по съ большими передѣлками, не имѣющими, повидимому, никакого смысла. Она начинается такъ:

Вдоль по улицъ по шведской
Въ слободѣ было измечкой,
Молодой майоръ гуляетъ;
Онъ во скрипочку играетъ,
За собою дѣвку водить,
Дѣвку—нѣмку-иноземку.
Онъ во скрипочку играетъ
Дѣвку-нѣмку утѣшаетъ.
Дѣвка парню говорила
Во глаза дружка корила,
Слышно, милый, хохъ жениться,
Завъжай ко мнѣ проститься.
И спроситься и проститься;
Ты возьми коня за поводъ,
Подведи его ко кусту,
Ко тому кусту калинъ.
Ты сорви-ка ту калину
И попробуй ее скушать.
Какова горька-калина.
Такого мнѣ жить за старымъ
Что за старымъ, за сварливымъ.

Кромѣ хороводныхъ игръ въ лугахъ и пѣсень по вечерамъ, въ

воскресные дни, въ семикъ, вечеромъ, дѣвушки собираются въ ближнія къ селенію рощи, завивать березку. Завивъ вѣтвь березы, каждая дѣвушка цѣлуется съ своей подругой, говоря: «покумимся, кума, поцѣлуемся», послѣ чего дѣлится съ ней принесенной изъ дома личницей. Въ троицынъ день, утромъ, дѣвушки идутъ въ рощу, съ пѣніемъ, развивать березку. Развиванье это происходитъ тѣмъ же порядкомъ; дѣвушка, цѣлуя подругу, говорить: «раскумимся, кума, поцѣлуемся» и расплетаетъ березку. Потомъ, украсивъ одну изъ вѣтокъ березы лентами, дѣвушки съ пѣснями несутъ ее въ деревню и тамъ уже цѣлый день играютъ въ хоробы и поютъ пѣсни.

У крестьянскихъ дѣтей нашей мѣстности почти не существуютъ отдѣльныхъ отъ взрослыхъ пѣсенъ и игръ; до 10 лѣтъ мальчики и дѣвочки еще считаются дѣтьми, но съ 10, какъ тѣ, такъ и другія начинаютъ въ пѣсняхъ и играхъ не отставать отъ взрослыхъ. У мальчиковъ еще есть свои отдѣльныя игры, въ лапту и въ шары, но дѣвочки, подражая взрослымъ, наравнѣ съ 16-тилѣтними дѣвушками, завиваютъ березки, играютъ, составляя свои отдѣльные хоробы, въ которыхъ также принимаютъ участіе ихъ маленькіе ровестники—мальчики, играющіе роль жениха при пѣснѣ о баринѣ и т. п. Наканунѣ рождества крестьянскіе дѣти колядуютъ, но коляда поется съ значительными измѣненіями: «коляда, коляда, поется у насъ, наканунѣ рождества, растворй ворота, не дадутъ порога—ростворимъ ворота, не дадутъ куты—расплетемъ плетни, не дадутъ лепешки—разобьемъ окошки». Съ распространеніемъ грамотности, коляда выводится; многіе мальчики изъ грамотныхъ начали въ день рождества ходить по избамъ пѣть церковныя стихеры; это такъ понравилось крестьянамъ, что въ первые годы, ученики моей школы получали, за это пѣнье, до рубля и болѣе. Нѣкоторые мальчики покупали себѣ даже рубахъ на деньги, выручаемыя за славленье. Славятъ Христа и теперь, выручая до 50 и 60 к.; подаютъ и яицами.

Къ числу народныхъ увеселеній, можно причислить также празднованіе христовъ праздника. Николинъ день празднуется въ нашей волости болѣе, нежели праздники рождества и свѣтлаго воскресенія. Цѣлую недѣлю послѣ 6 декабря, никто изъ крестьянъ не принимается за работу; каждая, даже самая бѣдная семья, закупаютъ или беретъ въ долгъ ведра два вина, завариваетъ нѣскольکو боченковъ пива, браги и покупаетъ соленой рыбы. Пьянство

во все эти дни принимает громадные размеры: пьютъ все, начиная съ 16-тилѣтнихъ дѣвушекъ и кончая 70-тилѣтними стариками. Все празднованіе состоитъ въ томъ, что каждая деревня раздѣляется на нѣсколько отдѣльных артелей или кружковъ (какъ-то: артели женатыхъ мужиковъ, артели молодыхъ парней, артели бабъ и артели дѣвушекъ), которые толпами ходятъ изъ дома въ домъ, изъ избы въ избу, къ знакомымъ и даже къ незнакомымъ и угощаются. У каждого домохозяина стоитъ на столѣ, въ продолженіи всей недѣли, вино, водка, пиво, брага, закуска, состоящая изъ огурцовъ, капусты и соленой рыбы. Вотъ является толпа сосѣдей домохозяевъ, человекъ въ 10—15; хозяйка торопится угостить ихъ хорошенько; это своего рода аристократія деревни; за ней слѣдомъ идетъ толпа бабъ—женъ ихъ, золовокъ и невестокъ—тоже надо поднести каждой по стаканчику вина и пивца. Если у домохозяина есть молодые парни и неженатые сыновья, они приглашаютъ къ себѣ всехъ взрослыхъ дѣвушекъ-невестъ своей деревни, угощая ихъ, кромѣ вина, пряниками, орѣхами и разными сластями. Такимъ образомъ цѣлый день праздника проходитъ въ угощеніи и только бѣдными хозяйкамъ—женамъ старшихъ въ семьѣ—приходится плохо: они должны быть цѣлые дни дома и на ногахъ, безъ усталости подчаю посѣтителей и посѣтительницъ, пока мужья, въ свою очередь, гуляютъ, пропивая послѣдніе деньги. Если прибавить къ этому еще побои, неизбежное слѣдствіе каждого празднованія хозяина, то праздникъ для хозяекъ приходится очень солонъ. Молодежь во время праздника веселится болѣе всехъ; но жаль только, что это веселье значительно испорчено пьянствомъ и той грубостью нравовъ, которая проявляется во всей силѣ, ничѣмъ не сдерживаемая въ эти дни.

IX.

Сельское хозяйство. — Стоимость построекъ. — Крестьянское хозяйство до и послѣ 19 февраля 1861 года. — Цѣны на различные продукты. — Лѣсоводство. — Стѣнные покосы. — Хозяйство помѣщиковъ.

Хозяйственный бытъ крестьянина, какъ мы видѣли выше, зависитъ отъ земледѣлія и промысловъ. Изъ 1300 чел. муж. пола, числящихся въ оленинской волости *), 300 уходятъ ежегодно на заработ-

*) Съ бывшими дворовыми людьми; безъ нихъ—1281 чел.

ки; остальные, оставаясь въ деревнѣ, посвящаютъ все лѣто обработкѣ, какъ своей земли, такъ и остающейся послѣ уходящихъ на заработки. Раземотримъ стоимость предметовъ, составляющихъ крестьянское полевое и домашнее хозяйство, начавъ съ жилища крестьянина. Избы въ оленинской волости всѣ бѣлыя; у нѣкоторыхъ крестьянъ имѣется по двѣ избы, такъ называемая задняя и передняя; у большинства же одна изба, съ перегородкой, отдѣляющей печь, мѣсто сѣнницы, отъ остальной части избы. Постройка подобной избы, въ три окна, обходится не менѣе 100 р., а именно: за постройку избы плотники берутъ 35 рублей, матеріалу идти, не менѣе какъ на 70 р. При избѣ необходимо имѣть амбаръ для хлѣба, мякинницу или такъ называемую кѣтъ для мякины и сѣна и овина. Постройка амбара, крытаго тесомъ, обходится въ 50 р., постройка кѣтки изъ плетни съ соломенной крышей—въ 15 р., постройка погреба, также изъ плетня, съ соломенной крышей, отъ 10 до 15 р., постройка овина въ 40 р. Въ нашей мѣстности стали недавно распространяться глинобитныя постройки, для овиновъ, весьма удобныя, по безопасности отъ огня. Работой глинобитныхъ овиновъ занимается артель рабочихъ, приходящихъ изъ арзамасскаго уѣзда, исключительно съ этой цѣлью; за постройку овина они берутъ 20 р., на харчахъ хозяина, матеріалъ для стройки берется изъ земли, такъ какъ глинистая почва нашей мѣстности весьма удобна для этихъ построекъ. Глинобитный овинъ стоитъ въ половину дешевле, т. е., какъ сказано, 20 р. Меблировка крестьянскаго жилища не затѣйлива: оно меблируется тѣми-же плотниками, которые строятъ избу; подневно плотники берутъ за работу отъ 60 до 70 к. въ день осенью; лѣтомъ—по 1 р. въ день. Столъ обѣденный стоитъ отъ 80 к. до 1 р.; скамьи отъ 40 до 70 к., лавки придѣлываются къ стѣнамъ плотниками при стройкѣ. Чашки, горшки, ухваты, корчаги обойдутся при заведеніи новаго хозяйства въ сложности не дешевле 3 р.

Для веденія полевого хозяйства крестьянину необходимо имѣть соху, борону, вилы, грабли, лопату, топоръ, косу, серпъ, лошадь, корову, колоду, чтобы мѣсить скоту, и конскую сбрую. Соха безъ сошника стоитъ 80 к., съ сошникомъ 1 р. 40 к., (сошники и налицы продаются по вѣсу: чѣмъ выше вѣсъ, тѣмъ дороже, но за то и прослужать долѣе); борона—1 р. 50 к., вилы—20 к., граб-

ли—5 к., заступъ—25 к., двѣ лопаты, одна для вѣянья хлеба—вз
10 к., другая—17 к.; топоръ—60 к.; коса—2 р., серпъ—40 к.;
сани—2 р. 25 к., телега съ колесами—5 р.; сбура копская—от
3 р., колода для мѣсива корма скоту—2 р. Стоимось скота опре-
дѣлить трудно, но хорошую лошадь можно приобрести зимой за
25 р.; лѣтомъ лошади продаются не дешевле 50 и 70 р. Хорош
шую корову можно купить за 25 и 30 р., телку—отъ 12 до 15
р.; овцу можно купить за 1 р. 50 к.; корова приноситъ доходу,
считая масло и молоко, если оно было бы поупное, 10 р. въ годъ;
овца даетъ шерсти до 6 фунтовъ въ годъ, полагая за фунтъ 20
к., доходъ отъ овцы можно опредѣлить въ 1 р. 20 к.; свиней дер-
жатъ только въ деревнѣ Полянъ и то весьма немногіе крестьяне.

Теперь посмотримъ на женское домашнее хозяйство; оно от-
личается отъ общаго хозяйства тѣмъ, что жена, хозяйка и женщи-
ны въ крестьянской семьѣ, получая весь ленъ, исключая сѣмени, въ
свою пользу, обязаны одѣвать мужа и дѣтей безъ поддержки осталь-
ныхъ членовъ семьи. Крестьянка должна обработать ленъ и при-
готовить столько холста, чтобы наготовить рубахъ мужу, ше-
патымъ сыновьямъ, а также и себѣ, на весь годъ. Женатыхъ сын-
новей одѣваютъ ихъ жены и вслѣдствіе этого обстоятельства ма-
тери всегда сильно хлопчатъ о скорѣйшей женитьбѣ сыновей. До-
чери—другое дѣло: они съ 10 лѣтъ начинаютъ помогать ма-
тери въ обработкѣ льна и часто своей пряжей одѣваютъ себя, безъ
помощи матери. До 19 февраля крестьяне одѣваются исключительно
въ домотканныя рубахи, а крестьянки въ такіе же сарафаны; те-
перь, съ повсемѣстнымъ распространеніемъ ситцевъ и шерстяныхъ
матерій, большая часть крестьянскихъ продаетъ холстъ и пряжу,
предпочитая, на вырученные деньги, покупать ситцы и шерстяныя
матеріи. Домотканныя сарафаны носятъ въ нашей волости толь-
ко старухи, а домотканныя рубахи (надѣваются) крестьянами въ
рабочую пору. Въ праздничные и воскресные дни почти всѣ
крестьяне надѣваются ситцевыя рубахи. Пальто и шубы, вза-
мѣняющія шубы, составляютъ также въ настоящее время потребность въ кре-
стьянскомъ быту; дѣвушка или молодая женщина, не имѣющая
ватнаго сатиноваго или шерстяного пальто, не показывается и на
улицу во время зимнихъ гуляній, храмового праздника и т. п.
За то какъ бы ни были силенъ морозъ, дѣвушка, обладающая ват-
нымъ пальто, предпочтетъ надѣть его на гулянья, нежели закутаться

ся въ несравненно болѣе теплую овчинную шубу; таково дѣйствіе моды въ нашихъ деревняхъ, перешедшее какимъ-то образомъ изъ городовъ. Модныхъ журналовъ въ деревняхъ не выписываютъ, но какимъ-то непонятнымъ образомъ слагаются и опредѣляются моды на все: на цвѣта сарафановъ, рубахъ, фартуковъ, платковъ и т. п.; такъ, напр., въ 1871 году была мода носить сарафаны изъ темнаго ситцу, фартуки того-же цвѣта, а мужскія рубахи краснаго цвѣта; въ 1872 году мода измѣнилась: сарафаны стали носить бѣлаго цвѣта съ такими-же рукавами и фартуками, мужскія рубахи—бѣдно-лиловыя или также бѣлыя. Криполины стали входить также въ моду между крестьянскими дѣвушками, по мѣрѣ того, какъ они стали выходить изъ моды въ городахъ.

Всѣ эти новыя явленія доказываютъ трудность крестьянкѣ одѣвать семью, по старому, вѣками сложившемуся, обычаю, изъ дохода отъ льна. Ленъ крестьянки дѣлятъ и считаютъ по своему, ведя счетъ не по вѣсу льна, а по такъ называемымъ *рученькамъ* и *складникамъ*. Рученькой называется пукъ льна, приблизительно по вѣсомъ въ 28 золотниковъ; слово рученька вѣроятно произошло отъ того количества льна, которое можно захватить руками, при переносѣ сноповъ льна. Рученька льна получается приблизительно съ одного снопа. Двадцать рученекъ составляютъ складникъ, слѣдовательно въ складникѣ приблизительно до $(28 \times 20) = 560$ золотниковъ или $5\frac{5}{8}$ фунта. Изъ 5 складниковъ или изъ $29\frac{1}{8}$ фунтовъ выходитъ холстъ въ 30 аршинъ. На душевой надѣлъ получается не болѣе 200 сноповъ, при среднемъ урожаѣ. 200 рученекъ или 10 складниковъ составляютъ $5\frac{5}{8} \times 10 = 58\frac{1}{3}$ фунтовъ или 1 пудъ $18\frac{1}{3}$ фунтовъ, а холста—до 60 аршинъ, полагая за аршинъ, круглымъ числомъ, по 10 к., получается сумма 6 р. На эти деньги крестьянка должна купить двѣ рубахи мужу, двѣ пары нижняго платья (я беру семью, имѣющую одинъ надѣлъ, слѣдовательно, состоящую только изъ двухъ членовъ—мужа и жены), рубаху и сарафанъ для себя, платокъ, косынку, чулки, башмаки и ватники. Рубаха мужская, домотканная, стоитъ 1 р., ситцевая, изъ ситцу въ 15 к.—75 коп., изъ ситцу въ 20 к.—тоже, 1 р.; на рубаху идетъ 5 аршинъ. Нижнее платье, т. е. штаны, подпояска домотканная, стоитъ 50 к., суконныя—1 р., 50 к. и 2 р. Женская рубаха, бѣлая, изъ толстаго холста, по 7 к. аршинъ, 7 аршинъ—49 к.; сарафанъ ситцевый, съ фартукомъ, по 15 к. аршинъ, 12 аршинъ

шинь—1 р. 80 к., платок—30 к., косынка—15 к., чулки нитяные—50 к., шерстяные—40 к.; если отдать вязать чулки из своей шерсти и нитокъ, то дешевле базарныхъ на 25 к. Башмаки на базарѣ продаютъ по 60 к., полусапожки—1 р. 50 к., на заказъ башмаки шьютъ не дешевле 1 р. 50 к., полусапожки—2 р. 50 к. Валенные сапоги покупаютъ не дешевле 1 р. 50 к.; изъ своей шерсти валяютъ валяльщики, которые ходятъ по деревнямъ осенью, по 50 к., за пару валенокъ. Фунтъ шерсти, простой овечьей, отъ 17 к. до 20 к. Лапти носятъ въ нашей мѣстности только въ рабочую пору года, а также старухи, старики и малолѣтніе; лапти можно купить не дешевле 9 к. При постоянной ходьбѣ, лапти служатъ только двѣ недѣли, такъ что въ годъ необходимо издержать, на покупку лаптей, если постоянно носить эту обувь, 2 р. 34 к.; большинство предпочитаетъ, вслѣдствіе этого обстоятельства, покупать для обуви башмаки и полусапожки. Обувь и теплая одежда покупается хозяиномъ семьи. Тулупъ мужской стоитъ отъ 13 до 15 р., полубубокъ, въ который идетъ 6 овчинъ—6 р., за шитье полубубка портной (швецъ) беретъ не менѣе 50 к. Суконные кафтаны, чуйки и длиннополые сюртуки съ жилетами шьются въ деревнѣ швецами, которые приходятъ къ намъ осенью изъ костромской губерніи; за шитье сюртука, жилета, чуйки, кафтана, швецъ беретъ отъ 50 к. до 1 р. 50 к.; матеріалъ, какъ для подкладки, такъ и для верху—хозяйскій, т. е. того, кто заказываетъ. Швецъ во все время работы живетъ у заказчика, на полномъ его содержаніи, и работаетъ, большею частію, по вечерамъ, при освѣщеніи, которое также обязанъ доставлять заказчикъ. Стоимость кафтановъ и чучекъ изъ сукна опредѣлить трудно; она бываетъ различна, смотря по матеріалу; вообщесукно покупаютъ не дешевле 1 р. 50 к. Женскія пальто на ватѣ и мѣху шьютъ тѣ-же швецы; за работу они берутъ отъ 1 р. до 1 р. 50 к. Крестянки въ нашихъ деревняхъ едва умѣютъ держать иглу въ рукахъ; большинство не имѣетъ понятія о швейной работѣ; вязанье чулокъ извѣстно также весьма немногимъ; доказательствомъ этому служить то, что во время свадебъ и при покупкѣ нарядовъ многія дѣвушки, болѣе другихъ способныя или предприимчивыя, имѣютъ значительныя выгоды, получая заказы отъ своихъ подругъ за шитье и вязанье. За шитье платья берутъ 1 р., за шитье сарафана 50 к., за рукава къ рубашкѣ отъ 25 до

30 к., за шитье мужской рубахи отъ 30 до 40 к. Въмѣсто платы деньгами, нѣкоторые швеи и вязальщицы берутъ за работы различные продукты домашняго хозяйства, какъ-то: ленъ, яицы, масло, курицъ и проч. — Доходъ отъ домашнихъ птицъ составляетъ также часть женскаго хозяйства *).

Теплое верхнее платье крестьяне шьютъ, большею частію, изъ овчинъ, отъ своихъ овецъ; для кафтановъ домотканнаго сукна употребляютъ также шерсть отъ своего скота. Кафтанъ изъ домашняго сукна стоитъ 3 р. 60 к. (12 аршинъ, по 30 к.), за шитье — 50 к. Мужская обувь покупается домохозяиномъ для всѣхъ членовъ семьи. Сапоги можно купить на базарѣ отъ 4 р. до 8 р., по заказу въ Богородскомъ и у мѣстныхъ сапожниковъ — не дешевле 5, 6, 7 р. за пару; а тѣ сапоги, которые на базарѣ продаются по 8 рублей, на заказъ шьются по 10 р. Онухи или носки продаются на базарѣ по 20 к. Шапки и картузы крестьяне покупаютъ отъ 60 к. и дороже.

Крестьянская реформа, измѣнивъ основныя условія быта крестьянина, повліяла значительно и на его хозяйственный бытъ. Самоуправленіе крестьянства — учрежденіе волостей, содержаніе волостного суда и проч. — потребовало затратъ со стороны крестьянина, которыхъ не было при крѣпостномъ правѣ. Имѣнья въ оленинской волости были почти всѣ оброчныя, запашки имѣлись небольшія и крестьяне, обработывавшіе ихъ, были изъяты отъ платежа оброчной суммы; теперь сверхъ оброчной суммы, платимой почти въ томъ же размѣрѣ, какъ и до 19 февраля, повинностей съ ревизской души крестьянинъ уплачиваетъ не менѣе 7 р. (т. е. вдвое болѣе оброчной суммы во многихъ деревняхъ), а именно подушныхъ податей до 3 р. съ души, поземельныхъ 1 р. 92 к., «правленскихъ», т. е. на содержаніе волостного правленія 75 к., страховых — отъ 30 к. до 1 р., сельскому старостѣ по 15 к.; при сборѣ рекрутъ ежегодно по 20 к. съ души, пастуху по 40 к., прорубщику за удѣлку прорубей, т. е. очистку ихъ отъ льда по 1 к., оспоприивателю по 3 к., духовенству, по новому положенію, опредѣлено платить 50 к. съ души; въ настоящее время хлѣбомъ собирается на ту-же сумму. Первые сборы, какъ-то: правленскіе, страховые, рекрутскіе, составляютъ волостной сборъ; остальные какъ-то: плата

*) Изъ домашнихъ птицъ держатъ только курицъ.

жалованья старостѣ, настуху и прорубщику, составляютъ частные сборы, отдѣльные въ каждой деревнѣ. На жалованье должностнымъ лицамъ оленинская волость расходуетъ: волостному старшинѣ 150 р., писарю 120 р.

По словамъ крестьянъ, до 19 февраля количество коровъ, лошадей и мелкаго скота было больше; въ каждомъ домѣ имѣлось по 2 и по 3 коровы, по 10 и болѣе овецъ. Теперь въ рѣдкихъ семьяхъ имѣется подобное количество скота. Во многихъ семьяхъ, какъ говорятъ крестьяне, водились прежде запасныя деньги на черный день, рублей 30, 40; теперь имѣются деньги только у тѣхъ крестьянъ, которые промышляютъ мелочной торговлей. Число подобныхъ торговцевъ развилось послѣ 19 февраля, когда потребности крестьянъ значительно расширились. Чай, самовары, конфекты, освѣщеніе свѣчами и фотогеномъ были здѣсь неизвѣстны. Теперь чай, новое освѣщеніе изъ лампами или свѣчами, ситцы и шерстяныя матеріи въ общемъ употребленіи, о чемъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Въ деревнѣ Банниковѣ имѣются 4 торговца такъ называемыми *фруфтами*, т. е. пряниками, конфетами, изюмомъ, чаемъ, сахаромъ, и т. п., кромѣ того два торговца изъ этого числа торгуютъ салными свѣчами, постнымъ масломъ, соленой рыбой, солодомъ, солью, хлѣбомъ, а иногда и мясомъ. Въ деревнѣ Полянѣ 4 торговца: двое торгуютъ бакалейнымъ товаромъ, а двое — краснымъ, т. е. ситцами и платками. Въ Охотинѣ бакалейнымъ товаромъ торгуютъ 3, ситцами 2. Въ Оленинѣ ситцами торгуютъ 2; мясомъ въ Охотинѣ торгуютъ 2. Въ Полянѣ 1 крестьянинъ торгуетъ рыбой, мясниковъ 2. Дегтемъ торгуютъ во всѣхъ деревняхъ. Итакъ, съ одной стороны, хозяйство крестьянъ приходить въ упадокъ, съ другой-же стороны появляются новыя потребности, которыхъ прежде не имѣлось. Мелочная торговля подерживается исключительно нашей волостью; торгъ ведется по домамъ, домашнимъ образомъ, и конечно барыши берутся значительныя; базаръ отстоятъ на 10 верстъ, да и на базарѣ въ долгъ не брать, а у своего односельца можно взять въ долгъ, заплатить не деньгами, а ящиками, зерновымъ хлѣбомъ, льномъ; барышнику-торговцу это съ руки: онъ беретъ все, даже курицъ и цыплятъ, которыхъ въ лѣтнее время съ барышомъ перепродаетъ въ Нижнемъ и на ярмаркѣ.

Раздѣлы крестьянъ, бывшіе послѣ 19 февраля, также повлія-

ли на упадокъ многихъ хозяйствъ. Обрадовавшись, многіе молодые хозяева отдѣлились отъ семействъ и не рассчитавъ выгоды и невыгоды своего новаго положенія, ушли на заработки въ городъ, сдавъ землю въ мѣръ или на аренду. Проживая въ городѣ, многіе изъ нихъ попали въ число нашихъ сельскихъ пролетаріевъ; хозяйство ихъ въ деревнѣ разрушено и семья голодаетъ безъ земли, или, еще того хуже—скитается за хозяиномъ семьи въ Нижнемъ или въ Астрахани. Раскладка повинностей, послѣ 19 февраля, состоитъ въ слѣдующемъ: оброки землевладѣльцамъ начинаютъ вносить по мѣрѣ того, какъ домохозяева берутъ надѣлы, или какъ говорится, *душ* изъ мѣрской земли. Платежъ остальныхъ податей распределяется по числу ревизскихъ душъ. Передѣлы земли и выдѣлы по земельнымъ участкамъ новымъ членамъ общества бывають въ иныхъ деревняхъ черезъ 3—4 года, въ иныхъ весьма рѣдко *). Въ деревняхъ Полянѣ, Охотинѣ и въ селѣ Оленинѣ передѣлы земли бывають рѣдко, потому что крестьяне весьма дорожатъ землею и неохотно выдѣляютъ землю новымъ домохозяевамъ. Вслѣдствіе этого порядка вещей многіе молодые крестьяне 18, 19 лѣтъ еще не платятъ оброчной суммы. Въ деревняхъ-же многоземельныхъ иные порядки: тамъ охотно выдѣляютъ участки земли и даже сдаютъ ихъ въ аренду, особенно въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ много малолѣтнихъ, а взрослыхъ работниковъ мало: «за землю платить надо, говорить крестьянинъ, а обработать ее силъ не хватаетъ» (т. е. своихъ рабочихъ, а принимать работника дорого). Дороговизна содержанія заставляеть крестьянина сороковыхъ годовъ говорить съ сожалѣніемъ о старомъ времени, когда все было дешевле. Цѣны на хлѣбъ въ нашей мѣстности, почти 3 года, стоятъ въ одинакихъ размѣрахъ. Хлѣбъ ржаной весной и лѣтомъ на богородсковскомъ базарѣ продается по 80 к. за пудъ, осенью и зимою отъ 60 до 70 к. Рожь немоло-

*) Невыгоды, дѣйствительно представляемы частыми передѣлами полей, этимъ слѣдствіемъ извѣстнаго благоприятнаго для русской жизни бытового экономического явленія—общественнаго пользованія землею—нужно замѣтить, можно отстранить весьма удобно, какъ до того додумались, напр., крестьяне въ пензенской губерніи; тамъ крестьяне во многихъ мѣстностяхъ имѣли обыкновеніе производить взаимный дѣленіе своихъ полей каждый годъ; въ настоящее время, по инициативѣ мѣстнаго губернатора, 437,096 человекъ (изъ числа 482,107 чел. крестьянъ пензенской губерніи) уже составили приговоры о раздѣленіи своихъ полей на 20-лѣтній срокъ. Правда, что эти приговоры, можетъ быть, имѣють въ дѣйствительности значеніе приговоровъ, провозглашаемыхъ щедринскимъ «Зинждителемъ», но мы все таки заносимъ сюда этотъ пензенскій фактъ.—Ред.

тая, зимою, за четверть 5 р., весною отъ 5 р. 50 до 60 р. 50 к.; мука пшеничная русская—весною 2 р. за пудъ, зимою отъ 1 р. 40 к. до 1 р. 50 к., пшеница немолотая весною 9 р. 60 к. за четверть, осенью—отъ 8 р. до 8 р. 50 к. за четверть, овесъ весною—4 р. за четверть, осенью отъ 2 до 2 р. 50 к., ячмень по 60 к. за мѣру, греча, крупной, мѣра 1 р. 20 к., греча на выдѣланная, зерномъ, и такъ называемая *уавостная* отъ 25 к. до 30 к. за мѣру, гороху мѣра 1 р. 20 к., картофелю, осенью, мѣра 10 к., весной 20 к., сѣмя льняное мѣра—1 р., масло льняное осенью 17 к. за фунтъ, лѣтомъ 20 к. Крестьяне обмѣниваютъ сѣмя льняное на масло, получая на мѣру сѣмени отъ 7 до 8 фунтовъ масла. Коровье масло по 25 к. фунтъ, яицъ сотня лѣтомъ 70 к., осенью 1 р. 20 к., осенью пудъ говядины 1 р. 80 к., лѣтомъ отъ 2 р. до 2 р. 50 к., баранины осенью фунтъ продается по 44 к. и 4¹/₂ к., весною и лѣтомъ 5 и 6 к. Отопленіе и освѣщеніе обходится въ нашей мѣстности не дешево. Лучины для освѣщенія продаются сотнями и десятками; десятокъ лучинъ отъ 30 до 45 к.; онъ достаточенъ только на недѣлю; вслѣдствіе этой дороговизны у насъ сильно распространилось въ послѣдніе годы освѣщеніе фотогеномъ. Лампы покупаютъ крестьяне въ 60, 70, 80 к., для безопасности прибавляютъ ихъ къ сѣнямъ избы; фунтъ фотогену въ Богородскомъ продается по 10 к. Одного фунта, при маленькой лампѣ, достаточно на недѣлю. Цѣны на дрова возвышаются съ каждымъ годомъ. Дрова сосновые покупаютъ за Окой въ балахнинскомъ уѣздѣ; за пятерикъ дровъ платятъ 15 р., съ перевозкой покупаютеля; возъ хворосту стоитъ 50 к., сажень хворосту—2 р. 100 к.

Въ настоящее время въ оленинской волости имѣются только два лѣсовладѣльца, въ полномъ смыслѣ этого слова: гг. Литомынинъ и Климовъ; послѣдній отдалъ свой лѣсъ въ надѣлъ крестьянскому деревни Поляны. У остальныхъ землевладѣльцевъ имѣются только кустарныя заросли, которыя арендуются также крестьянами. За десятину кустарныхъ зарослей, покупаемыхъ на срубъ, платятъ отъ 10 до 11 рублей; возъ дровъ, какъ выше сказано, изъ того-же лѣсу продается по 50 к., по-саженно—2 рубля за сажень. Въ надѣлѣ крестьянъ имѣются лѣса такого-же качества, при каждой деревнѣ, но опредѣлить количество этихъ дачъ по-десятиново весьма трудно, потому что и у самихъ владѣльцевъ нѣтъ опредѣленныхъ отдѣльныхъ плановъ на лѣсныя дачи и пустоши; въ уставѣ

ных грамотах они показаны вообще въ полевомъ надѣлѣ *).

О сѣнныхъ покосахъ можно сказать тоже самое; количество ихъ показано вообще, при опредѣленіи душевого надѣла. Лучшіе сѣнные покосы находятся по рѣкѣ Олѣ. На душевой надѣлъ каждый крестьянинъ получаетъ приблизительно по возу сѣна, стоимости въ 3 р. Сѣно продаютъ крестьяне стогами; стогъ сѣна средней величины стоитъ 7 и 8 р.

Промышленность и торговли хлѣбомъ, въ селѣ Богородскомъ сосредоточивается исключительно въ рукахъ крестьянъ. Помѣщики, проживающіе въ оленинской волости, торгуютъ хлѣбомъ только изрѣдка, въ урожайные годы. Помѣщичьихъ запасекъ въ оленинской волости 3, а именно: при деревнѣ Шумиловѣ, состоящая изъ 60 десятинъ, при деревнѣ Банниковѣ изъ 30 десятинъ и при Ориинкѣ изъ 6 десятинъ. Хозяйство ведется по обыкновенной трѣхпольной системѣ, при помощи вольнонаемнаго труда; рабочихъ въ Шумиловѣ, при помѣщичьей запаскѣ, 6 человѣкъ, въ Банниковѣ 3 человѣка, въ Ориинкѣ 1 работникъ. Плата хорошему работнику, за дѣльную работу, бываетъ отъ 35 до 40 р., помѣсячно 5 и 5 р. 50 к. въ мѣсяцъ; работа начинается съ 1 апрѣля и хозяйнѣ, подыраяя работниковъ, нанимаетъ ихъ съ апрѣля до 1 ноября. Посредственный работникъ получаетъ отъ 25 до 30 р. Содержаніе рабочаго съ платой, за его трудъ, обходится землевладѣльцу въ 82 р. по слѣдующему разсчету: жалованья 40 р., на пищу по 20 к. въ день, 6 р. въ мѣсяцъ, за 7 мѣсяцевъ — 42 р. Одинъ работникъ можетъ обработать (т. е. вспахать и проборошить подъ озимое, посѣять, свезти хлѣбъ съ поля) до 7 десятинъ. Для жнитва нанимаютъ жней; крестьяне платятъ жней-работницѣ по 12 р. за уборку сѣнокоса и жнитва; помѣщики предпочитаютъ отдавать жать рожь крестьянкамъ по-десятинно, съ платой за десятину отъ 3 до 3 р. 50 к.; по-дневно — 30 к. за рабочій день. Провыя поля у помѣщиковъ убираютъ иначе, нежели у крестьянъ, а именно: овесъ, ячмень и пшеницу не жнутъ, а косятъ обыкновенными косами съ граблями особаго устройства, прикрѣпляемыми къ косѣ, чтобы зерно не слишкомъ сыпалось при косьбѣ. За вязку сноповъ, при косьбѣ, платятъ по-дневно — 20 к. въ день. Круглымъ

*) При деревнѣ Банниковѣ въ надѣлъ крестьянамъ поступило кустарныхъ зарослей 47 десятинъ; при селѣ Оленинѣ у временно-обязанныхъ г. Бранину крестьянъ — 19 десятинъ.

числомъ обработка помѣщичьей земли по-десятинно обходится: десятина ржаныхъ посѣвовъ въ 20 р., яровыхъ — въ 18 р., вслѣдствіе сокращенія расхода при уборкѣ хлѣба и замѣны жней косцами, изъ тѣхъ-же рабочихъ, которыхъ нанимають для пашни. Ржи высѣвается на десятину 1 четверть, пшеницы 2 четверти, овса 2 четверти 1 мѣра, ленъ, горохъ и ячмень въ помѣщичьихъ хозяйствахъ не сѣютъ. Урожай на помѣщичьихъ земляхъ, тотъ-же какъ и на крестьянскихъ. Всѣ зерна ржи: низшій въ мѣрѣ вѣсиль 1 пудъ 4 фунта, высшій 1 пудъ 7 фунтовъ, пшеницы низшій вѣсиль въ мѣрѣ 1 пудъ, высшій 1 пудъ 4 фунта, овса мѣра вѣсиль отъ 18 до 30 фунтовъ. Гречи сѣютъ мало. За переработку зерна въ муку, или за помолъ, мельникъ беретъ отъ 15 до 20 к. съ четверти и 3 фунта съ каждой четверти, полагается на распылъ, при пересынкѣ муки изъ жернова.

Скотоводство при помѣщичьихъ запашкахъ существуетъ въ ограниченныхъ размѣрахъ; такъ при 60 десятинахъ шумиловской запашки состоитъ 15 головъ рогатаго скота и 6 лошадей, при 30 десятинахъ банниковской запашки 12 головъ рогатаго скота и 4 лошади, въ Оришкинѣ при 6 десятинахъ запашки скота всего одна лошадь. Запашка при Банниковѣ существовала и при крѣпостномъ правѣ, причемъ замѣчательно то обстоятельство, что, при обработкѣ крѣпостнымъ трудомъ, она давала несравненно менѣ дохода, нежели теперь, при обработкѣ вольнонаемными рабочими. При крѣпостномъ правѣ запашка обрабатывалась 50 рабочими, но самый высшій урожай на десятинѣ не превышалъ 600 сноповъ, теперь таже запашка обрабатывается только 3 рабочими, успѣвающими оканчивать работы всегда во-время и урожай до того возвысился, что на нѣкоторыхъ десятинахъ нажинають до 800 и 1000 сноповъ. Причины этаго явленія кроются, какъ поясняютъ опытные земледѣльцы, въ лучшей и болѣе внимательной обработкѣ почвы; при крѣпостномъ трудѣ всѣ работы дѣлались кое-какъ и какъ-нибудь; землю пахали и бороили только по одному разу, вольнонаемный рабочій старается обработать землю какъ возможно лучше, чтобы на слѣдующіе годы рассчитывать на тоже мѣсто. Землю троить, т. е. пропахивають и проборанивають до трехъ разъ.

Но существуютъ конечно и невыгоды при веденіи полевого хозяйства; невыгоды эти — случающееся неуваженіе къ чужой соб-

ственности, дороговизна содержания и пьянство, которое отвлекает часто от работы даже дѣльных и старательных рабочих. Кража овощей, полевых орудій, порча изгородей, погрома луговъ и полей, какъ у землевладѣльцевъ, такъ и у сосѣдей крестьянъ случаются нерѣдко и наносятъ ущербъ полевому хозяйству.

Х.

Кузнечный промыселъ въ деревняхъ оленинской волости. — Отношенія хозяевъ къ рабочимъ. — Заработки въ Астрахани.

О кузнечномъ производствѣ было уже говорено выше, при отдѣльномъ описаніи каждой деревни оленинской волости; теперь остается полнѣе, въ подробностяхъ, передать главнѣйшія основанія кузнечнаго дѣла.

Гвозди кууютъ двухъ сортовъ: мелкій гвоздь, такъ называемый *шипъ* и крупный — *даутесъ* и *однотесъ*. Лѣтъ 10 тому назадъ каждый крестьянинъ, скопившій рублей 10, 15, закупалъ самъ желѣзо, дляковки гвоздей и выработывалъ изъ него гвозди, при помощи семи, самъ же и доставлялъ ихъ въ лавки Нижняго-Новгорода. Крестьянинъ, скопившій рублей 30, 40, строилъ кузницу и допускалъ въ ней работать, бралъ за это право по два рубля ассигнаціями, съ каждаго кузнеца. Кузнецовъ собиралось въ кузницѣ до 15 человекъ, угли покупались сообща артелью, для чего дѣлалась складчина. Въ настоящее время большая часть кузницъ закрыта и главныя основанія кузнечнаго производства измѣнились. Весьма немногіе изъ крестьянъ закупаютъ желѣзо сами: большинство кузнецовъ работаетъ на такъ называемыхъ хозяевъ. Этихъ хозяевъ въ волости только двое; они покупаютъ желѣзо въ Нижнемъ, раздаютъ его кузнецамъ и, по выработкѣ изъ него гвоздей, платятъ кузнецамъ за работу съ пуда. Хозяинъ получаетъ барыша, на каждый пудъ гвоздей, 40 копеекъ, которые оставались-бы въ карманѣ рабочаго, при закупкѣ желѣза безъ посредства хозяина. За пудъ мелкихъ гвоздей (шипъ) хозяинъ даетъ 1 р. 60 к., за пудъ однотесу 2 р. *). Хорошій кузнецъ можетъ наковать въ недѣлю 1½ пуда мелкихъ гвоздей (шипъ) и получить 2 р. 40 к.; если же онъ кууетъ гвозди однотесъ и дву-

*) Цѣны на гвозди измѣняются ежегодно; здѣсь показаны цѣны зимы 1872 года и частію зимы 1871 года.

тесѣ, то накуетъ болѣе, потому чтоковка крупнаго гвоздя идетъ скорѣе. Хорошіе кузнецы наковываютъ въ недѣлю по два пуда гвоздей одготесу, т. е. получаютъ 4 р. Посредственный рабочий накуетъ въ недѣлю пудъ гвоздей шипу и получить 1 р. 60 к. или 1¹/₂ пуда одготесу, на сумму 3 р. Кузнецы, покупающіе желѣзо, помимо хозяина, получаютъ, на каждый пудъ 40, а иногда и 50 к. барыша; но для этого надо имѣть въ запасѣ деньги, по крайней мѣрѣ на первый разъ; впоследствии, при вѣрной расплатѣ, купцы имъ отпускаютъ желѣзо въ долгъ; на первый разъ расплата всегда должна быть чистыми деньгами. Введеніе артельного начала, при производствѣ гвоздей, въ нашей мѣстности имѣло-бы благіе результаты и хорошо-бы, если-бы земство горбатовскаго уѣзда обратило вниманіе на кузнечный промыселъ.

Расходы при кузнечной работѣ состоятъ въ слѣдующемъ: постройка кузницы (родъ сарая съ горномъ посерединѣ) стоитъ отъ 40 до 50 рублей *). За мѣсто въ кузницѣ или за право работы, каждый кузнецъ платитъ хозяину кузницы 1 р.^{с.} или 1 р. 10 к., за 5 мѣсяцевъ работы. Работа въ кузницахъ начинается съ 1 ноября, оканчивается 1 апрѣля. Угли покупаютъ, какъ выше сказано, посредствомъ складчины. Четверть углей продается 60 к.; она достаточна только для 12-ти часовой работы; но въ кузницѣ не бываетъ менѣе 14 человекъ, слѣдовательно каждый кузнецъ затрачиваетъ ежедневно на угли 4²/₇ к. и круглымъ числомъ въ недѣлю 25 к. Въ кузницахъ работаютъ по ночамъ; кузнецы обращаютъ день въ ночь, а ночь въ день. Работа начинается въ полночь, продолжается до 6 часовъ утра, затѣмъ наступаетъ завтракъ и отдыхъ до 10 часовъ, обѣдъ въ 1 часъ, потомъ отдыхъ до 3; въ 3 часа работа начинается снова, въ 5 оканчивается и кузнецы отдыхаютъ, т. е. спятъ до полуночи. Работа въ кузницахъ весьма утомительна для непривыкшихъ къ ней. Не худо было-бы земству обратить вниманіе на дурную постройку кузницъ; при введеніи глинобитныхъ построекъ по горбатовскому уѣзду, полезно было-бы и несравненно дешевле устраивать кузницы изъ глины, тѣмъ болѣе, что крестьяне весьма сочувственно относятся къ по-

*) Вновь кузницъ теперь строить мало; работа идетъ въ старыхъ, полуразрушенныхъ.

стройкамъ изъ нашего дешеваго матеріала—глины. Глинобитныя кузницы были-бы безопаснѣе отъ огня и, при дешевизнѣ постройки, могли-бы быть выстроены просторнѣе, съ окнами и другими приспособленіями, необходимыми для здоровья. Настоящія кузницы никакихъ удобствъ не имѣютъ: оконъ и отверстій для пропуска воздуха въ нихъ не полагается, а слѣдствіемъ этого бываетъ сильный жаръ при работѣ, когда дверь затворена, и мгновенный переходъ отъ него къ холоду. При этомъ устройствѣ, даже не роскошномъ, но болѣе удобномъ, легко было-бы ввести вентиляцію, о которой строители кузницъ не имѣютъ понятія. Кузницы, на сколько мнѣ извѣстно, по горбатовскому уѣзду вездѣ устроены одинаково.

Выше уже было сказано, что въ оленинской волости, кромѣ земледѣлія, существуютъ различные промыслы, а именно работа пильщиковъ на оленинской лѣсной пристани и печное производство въ Полянѣ. Въ работѣ пильщиковъ и печниковъ отношенія рабочихъ къ хозяевамъ далеко не тѣ, какъ при кузнечномъ производствѣ. Пильщиками бываютъ, большею частію, сыновья и родственники тѣхъ крестьянъ, которые торгуютъ лѣсомъ, или крестьяне того-же села, т. е. односельцы лѣсоторговцевъ. Живутъ пильщики въ своихъ семействахъ; содержаніе, по большей части, имѣютъ также свое, такъ что отношенія ихъ къ хозяевамъ ограничиваются только полученіемъ отъ нихъ заработной платы, выдаваемой по числу распиленныхъ бревенъ или досокъ. Лѣсоторговцы, имѣющіе множество небогатыхъ родственниковъ въ селѣ Оленинѣ и деревнѣ Сысоевкѣ *), всегда стараются доставлять работу своимъ, преимущественно передъ чужими; вслѣдствіе этого обстоятельства и ссоры между хозяевами и рабочими, доходящія до суда, бываютъ рѣдко, замѣняясь домашнимъ, своимъ судомъ или отказомъ отъ работы. Если пильщика нанимаютъ на хозяйскомъ содержаніи, то онъ пользуется имъ одинаково со всѣми членами семьи, и ѣстъ съ ними за однимъ столомъ. Пильщики работаютъ обыкновенно вдвое и дѣлятъ плату, между собой, на двѣ равныя части.

При печной работѣ, которой занимаются въ Полянѣ, существуютъ тѣ-же отношенія между рабочими и хозяевами, какъ и въ

*) Крестьяне села Оленина имѣютъ множество родныхъ по всей волости, потому что въ 20 годахъ Оленино, Сысоевка, Кежевино, Банниково и Заозерье принадлежали одному помѣщику и крестьяне безъ выкупа могли брать невѣсть изъ этихъ селеній.

сель Оленинъ; у одного изъ печниковъ-подрядчиковъ почти вся артель изъ племянниковъ родныхъ и двоюродныхъ, братьевъ, шуриновъ, и т. д. Пища рабочихъ у печниковъ бываетъ обыкновенно хозяйская, мясо выдается ежедневно, по $\frac{1}{2}$ фунту на человека, исключая постныхъ дней. Полянскіе крестьяне стараются не допускать въ свое ремесло крестьянъ чужихъ деревень и избегаютъ брать въ число рабочихъ или учениковъ крестьянскихъ мальчиковъ сосѣднихъ селеній.

Плотники, живущіе въ Полянѣ, работаютъ по деревнямъ, составляя небольшія артели въ 2, 3, 4, много 5 человекъ; подрядчиковъ между ними нѣтъ и заработная плата дѣлится по-ровну.

Кузнечное производство—единственное, въ которомъ происходятъ иногда непріязненные столкновенія между хозяевами и рабочими; столкновенія эти происходятъ, большею частію, при денежныхъ расчетахъ. Не каждый кузнецъ имѣетъ книжку, въ которую можетъ записывать полученіе денегъ *); большинство держится старой привычки отмѣчать число заработанныхъ денегъ мѣломъ или зарубками на стѣнѣ избы или просто держать его въ памяти. Случается, что кузнецъ забираетъ деньги въ такое время, когда память совсѣмъ измѣняетъ ему, особенно въ дни храмовыхъ праздниковъ или по воскресеньямъ; забираетъ онъ у хозяина по 5, 10, 15 к., а при расчетѣ и выходитъ, что изъ этихъ копеекъ составились цѣлые рубли и не хозяинъ уже долженъ рабочему, а рабочій хозяину. Слѣдствіемъ этихъ расчетовъ иногда бываетъ переходъ рабочихъ отъ одного хозяина къ другому и обоюдныя неудовольствія. Рабочій жалуется, что онъ рассчитанъ невѣрно; хозяинъ—что рабочій, задолжавъ ему, перешелъ не своевременно къ другому хозяину и не намѣренъ платить долгъ. Такъ какъ тотъ и другой не имѣютъ никакихъ данныхъ для доказательства справедливости своихъ требованій, потому что письменныхъ никакихъ условій не существуетъ между хозяевами и рабочими, то въ большей части случаевъ дѣла ихъ подлежатъ только суду божьему. Волостное правленіе хотя и вступаетъ въ разборъ дѣлъ между хозяевами и рабочими, но почти никогда не обьяняетъ ихъ, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ.

*) У многихъ кузнецовъ съ 1872 года существуютъ подобныя книжки, выдаваемые волостнымъ правленіемъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ постоянныхъ промысловъ въ оленинской волости существуютъ еще нѣкоторые отдѣльные, а именно заработки на-сторонѣ, въ деревни. Большинство крестьянъ, уходящихъ изъ волости, работаетъ въ нижегородской губерніи; только меньшинство отправляется по другимъ губерніямъ, какъ, напр., идетъ на рыбныя ловли въ Астрахань, которая вѣкогда была обѣтованной страной для нашихъ рабочихъ; они ждали отъ нея всевозможныхъ благъ, пока не имѣли возможности побывать въ этой обѣтованной странѣ.

До 19 февраля помѣщики неохотно отпускали крестьянъ на заработки въ Астрахань. Съ окончаніемъ крѣпостного права эти условія измѣнились и много крестьянъ отправилось-было въ Астрахань; впрочемъ это продолжалось недолго. Жизнь и работа въ Астрахани оказались далеко не столь выгодными, какъ предполагали крестьяне; нѣкоторые изъ нихъ заболѣвали въ Астрахани и были вынуждены поступить въ больницу, за леченіе ихъ была вытребована плата отъ крестьянскихъ обществъ и въ настоящее время общества смотрятъ на заработки въ Астрахани также весьма неприязненно. Нѣкоторымъ крестьянамъ изъ торговцевъ, впрочемъ, посчастливилось въ Астрахани; такъ изъ деревни Охотинѣ многие крестьяне занимаются торговлей рыбой и живутъ почти постоянно въ Астрахани; семьи нѣкоторыхъ изъ нихъ продолжаютъ заниматься полевымъ хозяйствомъ въ Охотинѣ, нанимая для обработки своихъ надѣловъ работниковъ. Простые рабочіе на рыбныхъ ловляхъ въ Астрахани, какъ говорятъ, получаютъ отъ 100 до 150 р. въ годъ, но узнать навѣрно ихъ бытъ и доходы весьма трудно, потому что по большей части эти рабочіе принадлежатъ къ категоріи такъ называемыхъ «отчаянныхъ головъ» и бѣгство въ Астрахань есть въ нѣкоторомъ родѣ бѣгство отъ семьи. Въ большинствѣ случаевъ отъ этихъ рабочихъ даже родной семьѣ трудно узнать правду. Поссорившись съ отцемъ, молодой парень часто ищетъ случая избавиться отъ надзора семьи и готовъ отправиться всюду, только-бы по дальше отъ родной деревни; случается, что и самъ отецъ спроваживаетъ въ Астрахань неповорного сына, говоря: «Богъ съ нимъ! Какъ хошь живи, только-бы глаза мои не глядѣли». Словомъ, въ случаѣ семейныхъ распрій Астрахань играетъ иногда теперь роль ссылочной колоніи. Сироты и безземельные, которые не надѣются найти въ своей мѣстности работы, по неудовольствіямъ съ своими

воспитателями или хозяевами, отправляются также на заработки въ Астрахань, исчезая иногда навсегда изъ того крестьянскаго общества, къ которому были приписаны.

Взаключеніе своей статьи, приведу нѣсколько мѣстныхъ областныхъ словъ, общихъ вѣроятно всѣмъ крестьянамъ нашего уѣзда.

XI.

Мѣстный говоръ въ оленинской волости.

Айда — пойдемъ.

Амшенникъ — хлѣвъ для скота.

Бать — говорить.

Безсчастье — несчастье.

Боязно — страшно.

Варево — щи.

Варъ — кипятковъ.

Гасить — болѣзненный жаръ.

Гамить — шумять.

Галдятъ, загадѣли — зашумѣли.

Грамотка — бумажка.

Дикуша — греча.

Запамятовать — позабыть.

Запонъ — фартукъ.

Знамо — извѣстно.

Зря — небрежно.

Клѣть — сарай для сѣна и соломы.

Коренной — самый лучшій.

Кочеть — пѣтухъ.

Кумачъ — лоскутокъ.

Магазея — магазинъ.

Новъ — земля, вспаханная въ первый разъ; *новью* называется также новый хлѣвъ.

Обридить — одѣть.

Полова — мякина, шелуха.

Польга — польза.

Подани — подати.

Разстегай — шелковый сарафанъ особаго покрою.

Сборникъ — головной уборъ замужней женщины.

Страхъ — много.

Столбнка — кредитный билетъ въ 25 рублей.

Тенята — паутина.

Холостяга — молодой холостой человекъ.

Чеботы — башмаки.

Чеботаръ — сапожникъ.

Шаберъ — сосѣдь.

Швецъ — портной.

М. В. Бравина.